

© 2001 г.

А.Н. СОБОЛЕВ

БАЛКАНСКАЯ ЛЕКСИКА В АРЕАЛЬНОМ И АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

1. ДВА НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ БАЛКАНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Традиционным для балканского языкознания является восходящее еще к общеизвестному тезису В. Копитара представление о том, что конвергентное единство языков Балканского полуострова манифестируется прежде всего на грамматическом (синтаксическом и морфосинтаксическом) уровне, так что при переходе от одного балканского языка к другому – если отвлечься от турецкого, а часто также и от сербохорватского, – наблюдается лишь смена лексики и флексии, в то время как "манера выражения" остается, в сущности, одной и той же [Sandfeld 1930: 6]. Полагают, что в области лексики, с одной стороны, разным балканским языкам соответствуют "различные лексические наборы" [Цивьян 1979: 7], а с другой, "не имеется специфически балканских черт" [Holiolčev et al. 1977: 67]. Поэтому традиционная балканистика со времен Ф. Миклошича [Miklosich 1861; 1869; 1870–1871; 1884] и Г. Мейера [Meuer 1891; 1895] обращает внимание преимущественно на лексические заимствования из одного балканского (живого или мертвого) языка в другой или из небалканского источника в балканский ареал, что также "предоставляет ощутимые доказательства о характере и степени взаимовлияний между балканскими языками" [Асенова 1989: 30] и позволяет реконструировать историю лингвистического взаимодействия в регионе [Десницкая 1988: 134–135]. Более того, поскольку о происхождении того или иного лексического заимствования мы можем судить с достаточно большой степенью уверенности, то их исследование, предоставив нам надежную базу для оценки степени воздействия одних языков на другие, будет способствовать, далее, историческому анализу грамматических взаимодействий [Sandfeld 1930: 15]. В литературе встречаются утверждения о том, что "в настоящее время балканистические интересы в этой области должны еще почти исключительно ограничиться сведениями о двуязычных зонах контакта" [Mladenov, Steinke 1978: 80].

В то же время, уже сам К. Сандфельд обращал внимание на наличие значительных межбалканских соответствий прежде всего благодаря очень многочисленным словам греческого и турецкого происхождения, известным всем языкам полуострова, что напоминает некоторым образом впечатление единства, приданное языкам Западной Европы латинскими заимствованиями [Sandfeld 1930: 11]. Современной балканистикой к корпусу общебалканских лексем добавляется значительное число балканолатинских, славянских и субстратных единиц, так что в результате можно говорить о "внушительном корпусе одинаковых лексем, который образовался вследствие культурного симбиоза этнических групп, населявших Балканский полуостров" [Асенова 1989: 30]. В качестве дополнительных возможностей объяснения их возникновения приводятся географическое соседство, культурные различия, политическое доминирование и общее наследие [Solta 1998: 1025–1026]. Вполне правомерно применение к балканскому ареалу соображений, высказанных в российской науке по поводу другого конвергентного ареала, а именно карпатского: "Рассматривать ли множества

тождественных для ряда языков (= микрозон) лексико-семантических единиц как обычные заимствования из одного языка в другой (= в другие). или можно видеть в них общие инвентари лексем, сложившиеся в процессе многократных перекрестных заимствований, многоступенчатых преобразований, используемые для обозначения тех или иных реалий в диалектах различных языков. – и тем самым свидетельствующие о формировании в макрозоне структурированных фрагментов языковой общности конвергентного типа" [Бернштейн, Клепикова 1996: 79]. При применении этого подхода приходится все же учитывать, что "лишь небольшая часть заимствований обнаруживается во всех балканских языках" [Schaller 1999: 475] и что при определении общебалканского характера лексемы до настоящего времени решающим остается количественный критерий: "Общебалканскими называются такие заимствования (Einflüsse), которые встречаются во всех или как минимум в трех балканских языках" [Tzitzilis 1999: 612].

Оба направления исследования обращают внимание как на формально-лексические, так и на семантические связи между балканскими языками.

1.1. Формально-лексические связи: классическая парадигма изучения

Рассмотрение формы лексических заимствований между балканскими языками К. Сандфельдом [Sandfeld 1930: 16–99] не выходит за рамки классической для сравнительно-исторического языкознания парадигмы, включающей в себя следующие аспекты: реконструкция экстралингвистических условий заимствования (контакта), установление источника заимствования, оценка степени влияния одного языка на другой, хронологизация заимствований на основании фонетических или ареальных критериев, установление путей заимствования лексем и наличия языков-посредников, установление общебалканского или узкодialeктного характера распространения заимствования. Интересно сопоставление суммированных еще в 1901 году К. Дитрихом задач "исторического, культурно-исторического и лингвистического" изучения латинских и романских заимствований в новогреческом (установление географического и диалектного происхождения заимствования; изучение развития семантики заимствования; установление ареала распространения заимствования на греческой территории и его общего или диалектного характера; установление ареального соотношения древних и новых заимствований [Dietrich 1901: 596]), с пожеланиями, высказанными в 1999 году У. Хинрихсом относительно исследования балканских славизмов: "Дезидератами современных исследований лексических заимствований сегодня является не столько полнота списков заимствований, сколько, прежде всего, анализ семантических изменений, анализ лексико-семантической роли славянских заимствований в исторической и современной лексикологии заимствующих языков (синонимия и др.), относительное распределение заимствований по территории каждого конкретного языка и значение местных диалектов" [Hinrichs 1999: 620]. При всей давности поставленных задач очевидно, что до настоящего времени все эти аспекты далеки от того, чтобы быть изученными во всех деталях [Naarmann 1999]; более того, для некоторых современных обобщающих работ по балканистике даже характерна некоторая редукция спектра классических задач (ср. [Schaller 1999]).

Для **реконструкции экстралингвистических условий заимствования (контакта)** для всех балканских языков прежде всего существенны вопросы о времени появления их носителей в Балканском регионе или в конкретной его части, вопросы установления территории распространения как влияющего, так и заимствующего языка в разные исторические периоды. Так, например, К. Сандфельд полагал, что вследствие романизации северной части Балканского полуострова греческий в течение первых веков новой эры соседствовал с латинской языковой территорией [Sandfeld 1930: 51]. Давно дебатировался вопрос о значении культурно-языковой границы между обоими языками высокой культуры (Hochkultursprachen), латинским на севере и греческим на юге, установленной К. Иречком в 1901 г. (так называемая линия Иречка). По

современным представлениям, эту границу следует представлять не как узкий коридор, а как своеобразную буферную зону, в которой греческий и латинский не находились в прямом контакте. "На западе этой буферной зоны долгое время говорили на иллирийском, на востоке – на фракийском языке. В то время как латинский утвердился в качестве языка администрации и образования также и на юге, греческий язык и греческая городская культура лишь в незначительной степени проникали на север по другую сторону буферной зоны и влияли на образ жизни иллирийцев южной Албании. Древние следы этого влияния обнаруживаются почти в 30 древнегреческих лексических заимствованиях, сохранившихся в албанском" [Naarmann 1999: 549]; ср. также [Gerov 1980; Tzitzilis 1999: 600; Solta 1998: 1020]. Большое внимание уделяется вопросу о возможном присутствии иных этнических групп на территории распространения какого-либо балканского языка в прошлом (так, например, привлекаются исторические сведения о том, что Траян колонизовал Дакию *ex toto orbe romanò*, а, следовательно, и греками: так, при рассмотрении роли румынского во влиянии на соседние языки во многих случаях речь идет о языке румынского населения, ныне исчезнувшего). На собственно лингвистических данных сделаны, например, следующие наблюдения. Концентрация топонимов латинского происхождения в горных районах северной Албании, а также наличие в гегском ряда грецизмов, не отмеченных в тоскском, может свидетельствовать об автохтонности албанцев в этой части их территории расселения и об их более поздних миграциях на юг [Naarmann 1999: 561; Tzitzilis 1999: 603]. Широко распространено мнение о том, что балканские славяне селились в основном в низинах и долинах рек, в то время как автохтонное население оставалось в горах [Hinrichs 1999: 622], что, однако, не подтверждается современными исследованиями Дж. Юллы [Ylli 2000], по крайней мере относительно славянской топонимии албанской языковой территории. Наличие в арумынском славизмов, отсутствующих в дакорумынском, можно трактовать как свидетельство о самостоятельных контактах арумын со славянами и тем самым об автохтонности арумын в Македонии к югу от линии Иречека [Trummer 1998: 169]. Греческие заимствования в хорватских диалектах Далмации свидетельствуют о наличии здесь в прошлом центров греческой культуры и напоминают о периоде византийского господства [Tzitzilis 1999: 608], ряд же романских служат свидетельством о далматинско-хорватских контактах [Trummer 1998: 158].

Считается общепринятым положение о большей степени влияния непосредственно контактирующих языков (так, в языках, непосредственно соседствующих с греческим – албанском, болгарском, арумынском, – грецизмов больше, чем в остальных; это имеет и обратную перспективу – наличие большого числа взаимных заимствований между несоседствующими языками говорит об их связях в прошлом). Важным полагается установление диалектной ограниченности влияния с указанием соответствующей области (так, большинство албанских заимствований в греческом концентрируется в северногреческих диалектах; и славянское влияние на греческий язык географически ограничивается Эпиром, Македонией, Фракией и Фессалией, так что обычно славянские элементы не являются общегреческими). Невозможность точной атрибуции общей лексики двух языков (например, румынского и албанского) может свидетельствовать об общем и одновременном развитии, результирующем из симбиоза обоих этносов в прошлом.

Вопросы **установления источника заимствования** часто приводили традиционные национальные филологии к преувеличению роли влияния одного языка на другой (так, существовала тенденция, в случае румыно-болгарских соответствий рассматривать румынский всегда как заимствующий язык). В ряде случаев неустановленные этимологии приводят к объявлению той или иной лексики субстратной (случай с албанскими заимствованиями в общерумынском). С другой стороны, особое значение всегда придается установлению автохтонных элементов какого-либо балканского языка (обзор соответствующей проблематики, например, румынского языкознания см. в [Калужская 1977]).

Оценка степени влияния одного языка на другой производится на основании как экстралингвистических, так и собственно лингвистических признаков. В традиционной лингвистике был принят и такой критерий, как относительный уровень развития контактирующих культур (так, за греческой культурой признается более высокий уровень развития, чем у всех соседних), причем полагали, что о нем можно судить по количеству заимствований из одного языка в другой (так, албанское влияние на другие языки оценивается как достаточно слабое). Важным моментом полагалась оценка характера заимствования в качестве устного или литературного (к последним часто относят религиозную терминологию) или его социальная атрибуция лексикону господствующих классов или "народа" (так, например, из балканской народной латыни получены лексемы, не относящиеся к военной, юридической или политической терминологии; ср. и подчеркивание значения изучения отношений бесписьменных автохтонных языков к латинскому как языку высокой культуры в [Haarmann 1999: 546]).

Достаточно часто обращают внимание на частеречную принадлежность заимствованных лексем (так, заимствование, например, во все балканские языки глаголов и служебных слов из греческого или турецкого свидетельствует об интенсивном влиянии; наоборот, отмечается, что из славянского в греческий глаголов заимствовано очень мало, а их распространение ограничивается северногреческими диалектами). Наконец, производится семантический анализ лексики и ее классификация по тематическим группам, например [Gutschmidt 1966; Десницкая 1987; Svane 1992]. Так, для греческого влияния отмечают его наличие "во всех сферах материальной и нравственной жизни", в то время как, с другой стороны, итальянские заимствования в том же греческом также охватывают все лексико-семантические группы (ЛСГ) [Sandfeld 1930: 21–22, 56]. Напротив, арумынский передал во все окружающие языки большое число терминов пастушеской культуры, а славянские заимствования в греческом, хоть и относятся к различным категориям, но обозначения животных и растений, а также скотоводческие термины среди них все же преобладают. Албанский заимствовал из древнегреческого названия культурных растений и орудий труда [Tzitzilis 1999: 601]. И в современной балканистике принято полагать, что концентрация, например, латинских заимствований в албанском или греческих в арумынском в сферах терминологии родства и названий частей тела есть индикатор интенсивности контакта и высокого престижа латинского как языка-донора [Haarmann 1999: 562–563; Tzitzilis 1999: 596]. Из принадлежности большого числа латинских заимствований в славянском к тематической группе "Жилищное строительство" делается вывод об использовании славянами соответствующих технических знаний романизированного населения [Haarmann 1999: 569]. Греческие заимствования в анатолийских турецких диалектах свидетельствуют о переходе турок от кочевничества к оседлому образу жизни [Tzitzilis 1999: 587]. Используются и простые количественные подсчеты заимствованных лексем в имеющихся словарях балканских языков (так, для арумынского процент грецизмов составляет 27% [Tzitzilis 1999: 595]; отмечается минимальное славянское лексическое влияние на греческий [Hinrichs 1999: 641]). Ранее полагалось также, что интенсивность влияния отражают многочисленные "элементарные" слова (типа "дорогой", "богатый" и др., что характерно, например, для славянского влияния на румынский). Повторяя тезис о возможности оценки интенсивности культурно-исторических связей на основании изучения группировки заимствований по различным тематическим группам, Г. Шаллер поднимает вопрос и о направлениях заимствования лексики из одного конкретного языка-донора – в какие именно языки заимствование происходит, а в какие нет [Schaller 1999: 465].

Существеннейшее значение имеют вопросы **хронологизации заимствований**, которая осуществляется с применением либо историко-фонетических, либо ареальных критериев. Заслуживает упоминания также достаточно распространенный в современной науке семантический критерий хронологической стратификации лексем, который, однако, требует чрезвычайно осторожного с собой обращения (например, при попытках

различать средне- и новогреческий пласт заимствований в балканских языках) [Tzitzilis 1999: 586, особ. 595, 602]. В отличие от карпатского языкознания, в балканистике отсутствует особое терминологическое различие древних и новых заимствований.

Фонетические критерии позволяют обычно различить древний и новый слой заимствованных лексем. Например, немногочисленные древнегреческие элементы в албанском могут характеризоваться наличием перехода $pi > k'i$, так что на этом основании, например, форму *piznā* "вражда, ненависть" можно считать недавним заимствованием [Sandfeld 1930: 31]. Имеются и специфические фонетические черты балканских латинизмов, например, сохранение краткого *и* в формах типа *furkə* "вилка, вилы и т.п." [Sandfeld 1930: 52, 55], позволяющие отделить латинизмы от романизмов. Существенны и фонетические процессы в заимствующих языках, позволяющие относительно датировать заимствования (ротацизм, переход $s > \mathfrak{z}$ в албанском: *vessika > pshika* "пузырь, прыщ") [Sandfeld 1930: 52–53, 78]. Среди славянских заимствований в том же албанском (которые значительны) следует различать сербские и болгарские, с одной стороны, и древние, с другой, чему помогают данные славянской исторической фонетики (сохранение носовых, например) [Sandfeld 1930: 77]. Во многих случаях формы грецизмов в арумynском и албанском наиболее близки к исходным греческим, что, правда, не всегда обязательно свидетельствует о недавности заимствования, – речь может идти о его подновлении в постоянном контакте. На основании количественного анализа заимствований различных хронологических слоев можно делать выводы об изменениях характера контакта между отдельными балканскими языками (так, малое число древнегреческих заимствований в албанском свидетельствует, возможно, об иной области бытования албанского в античности; большая многочисленность романских заимствований в нероманских балканских языках, чем латинизмов, говорит о разной степени интенсивности контактов в прошлом).

Среди **ареальных критериев**, также широко использовавшихся уже К. Сандфельдом, особое место занимает экстенсивный – наличие заимствования на большой территории говорит о его возможной относительной древности (ср. его применение в современной литературе [Tzitzilis 1999: 588–589]). Кроме того, следует обращать внимание на распространение заимствования в различных диалектных или языковых группах. Так, грецизмы, обнаруживаемые только в албанском тосском, обычно недавние заимствования; слова же, обнаруживаемые в диалектах арберешей Италии, могут быть датированы временем до миграций XV–XVI вв. Факт наличия заимствования – славизма или албанизма – во всех ответвлениях румынского, если форма или значение не позволяют трактовать их как параллельные заимствования, свидетельствует о его древности, обнаружение чего, правда, осложняется сильным славянским влиянием на истрорумынский, затрудняющим нахождение таких полных соответствий.

Большое внимание обращается на **пути заимствования лексем и наличие при этом языков-посредников**, что устанавливается обычно по форме слова. Так, значительное число лексем латинского происхождения было передано в балканские языки через греческое посредничество (для болгарского отмечено уже в [Romansky 1909: 134]), причем такого рода не прямые латинские заимствования известны и румынскому и арумynскому языкам (лат. *furnus* > греч. *fourno* > арумyn. *furni* "печь" и др.) [Naarmann 1999: 553]. Так, болгарский язык является часто посредником при передаче грецизмов и турцизмов в румынский [Tzitzilis 1999: 591], такова же могла быть в прошлом и роль албанского. Албанский и арумynский могли быть посредниками при передаче славизмов в греческий. Очень часто таким посредником для других балканских языков был турецкий (например [Romansky 1909: 134]), в то время как большое число итальянизмов турецкого языка попало в него через греческий. Проблема ряда сербохорватских итальянизмов, отмеченных не только в греческом и албанском, но и в болгарском, ставившая в тупик К. Сандфельда [Sandfeld 1930: 60], видимо, находит свое хотя бы частичное разрешение с учетом факта наличия колоний Дубровника в Софии и Шумене [Mladenova 1999: 55] и посреднической роли греческого и турецкого в

гаванях западного Черноморского побережья [Trummer 1998: 153]. Возможно заимствование слова на одной части языковой территории непосредственно из языка-источника (сербохорв. *fortuna* "буря" из итал. *fortuna*), в то время как на другую эта же лексема проникает через языковое посредничество (сербохорв. и болг. *frtuna* "буря" через турецк. *fyrtuna*). Практически общевалканская посредническая роль греческого и турецкого при передаче лексем самого различного происхождения ([Sandfeld 1930: 89]; о передаче турецким гречизмов см. также [Tzitzilis 1999: 587], в заимствующих языках их предлагается рассматривать, соответственно, как гречизмы и турцизмы [Trummer 1998: 158], ср. также [Бернштейн 1984]), наряду с многократным посредничеством при передаче заимствования из одного языка в другой приводит к образованию общевалканских ареалов распространения разных по происхождению лексем, что также, видимо, имеет свою обратную перспективу: наличие общевалканского ареала лексемы может означать наличие посредников в ее распространении.

Общевалканское распространение лексемы часто затемняет вопрос о времени ее заимствования. Так, например, наличие лексемы *livadă* "луг" в румынском, арумынском, мегленорумынском "не доказывает ничего", поскольку это же слово обнаруживается и в болгарском и сербском. Таким образом, одно из лингвогеографических правил должно звучать так: если обнаруживается в румынском, арумынском и мегленорумынском, но не обнаруживается в болгарском, его заимствование можно полагать скорее древним. Поскольку же большинство румынских гречизмов обнаруживается также в болгарском, сербском или албанском, не всегда возможно определить, имеем ли мы дело с непосредственным заимствованием, или же слово попало в румынский через один из балканских языков [Sandfeld 1930: 30–31].

При изучении общевалканского лексического фонда можно различать общераспространенные заимствованные элементы греческого или турецкого, реже латинского (и еще реже славянского) происхождения, с одной стороны, и общевалканские субстратные элементы, с другой [Schaller 1999: 469]. Именно последние чаще всего рассматриваются как объект собственно балканистического исследования [Асенова 1989: 31; Solta 1998: 1025]. П. Асенова [Асенова 1989: 32] обращает внимание: 1) на их принадлежность к одной лексико-семантической группе "Скотоводство и пастушество" (названия животных по их внешним качествам, сооружений, связанных с их разведением, названия продуктов переработки молока, предметов быта пастухов и т.п.), что позволяет связать их с культурами фракийцев и полуномадов типа арумын и каракачан (отмечена также лексика из ЛСГ "Рельеф", "Названия животных и растений" [Solta 1998: 1025]); 2) на их наиболее компактное распространение в албанском и арумынском, диалектное употребление в болгарском и греческом (особенно в Эпире); 3) на неясность их этимологии в рамках отдельного балканского языка.

Установление **диалектной принадлежности заимствований в языке-источнике** также может пролить свет на характер и время межъязыковых контактов. Так, некоторые балканские романизмы могут быть определены конкретнее как венецианизмы, генуанизмы или лексемы из далматинско-итальянского. Для современной балканистики актуальными являются вопросы реконструкции следов ныне не существующей диалектной дифференциации древних балканских языков на основании лексических заимствований и унаследованного словаря в языках живых. Так, например, дебатировался вопрос о количестве территориальных вариантов балканской латыни и их специфических чертах в *area dalmatica* (заимствования в сербохорватском и албанском), в *area danubiana* (общий унаследованный румынский и арумынский лексикон) и в *area della Via Egnazia* (следы древнего латинско-греческого контакта), а также их отношение к далматинскому языку [Haarmann 1999: 559–560; Trummer 1998: 157]. Так, среди относительно новых славизмов в балканских языках следует различать болгарский и сербский, а для румынского, возможно, и дакославянский слой [Byhan 1898].

Постоянно в центре внимания балканистики находятся и вопросы фонетической и морфологической **адаптации** заимствованных лексических элементов отдельными балканскими языками [Schmaus 1955; Бернштейн 1984].

1.2. Семантические связи: классическая парадигма изучения

Уже традиционная балканистика обратила внимание на то, что наряду с двусторонними материальными лексическими заимствованиями балканские языки также демонстрируют с е м а н т и ч е с к и е з а и м с т в о в а н и я из одного языка в другой, обозначавшиеся К. Сандфельдом термином "кальки". По мнению К. Сандфельда, примеры показывают, с какой легкостью происходят заимствования такого рода [Sandfeld 1930: 35]. В современной балканистике одинаковые или параллельные явления в семантической структуре на лексическом уровне получили определение м е ж ъ я з ы к о в а я и з о с е м и я [Семчинский 1977], а "лексические единицы, материальная реализация которых в каждом отдельном балканском языке имеет самостоятельную форму при параллельности или тождестве семасиологических признаков", называются изосемными [Асенова 1989: 35]. Этот вид межъязыковой интерференции – "самая интимная форма взаимовлияний в лексике. Она не только простое свидетельство языкового контакта, но результат духовного проникновения и близости между балканскими народами. явление, которое проливает свет на балканский менталитет" [Асенова 1989: 40]; см. также [Бернштейн, Клепикова 1996: 80–81]. С возникновения балканистики до сегодняшнего дня отмечается исключительно недостаточная изученность этой предметной области (ср. утверждение Г. Шаллера о невозможности обобщения результатов изучения калек в балканских языках), хотя и считается, что она является центральной для балканистических исследований [Schaller 1999: 464, 469, 482]. На положении дел здесь до сих пор негативно сказывается отсутствие исторического словаря балканских языков.

В плане парадигмы исследования традиционная балканистика и в этой области не выходит за рамки сравнительно-исторического языкознания. Так, при реконструкции экстралингвистических условий заимствования традиционно отмечают, что кальки наиболее многочисленны в непосредственно контактирующих языках (кальки с греческого многочисленны в арумунском, албанском, болгарском) [Sandfeld 1930: 40]. Установление источника заимствования часто затруднено общим семантическим развитием (например, латинских элементов в румынском и албанском) [Sandfeld 1930: 74]. Для оценки степени влияния языка на язык также возможно обращение к классификации калек по ЛСГ. Так, Х. Дзидзиллис отмечает наличие турецких калек с греческого в области названий рыб и рыболовства [Tzitzilis 1999: 589]. При хронологизации семантических заимствований также используются ареальные критерии; например, если калька с греческого находится во всех ответвлениях румынского, то можно говорить о ее древности [Sandfeld 1930: 42–43].

Традиционная балканистика при исследовании балканской межъязыковой изосемии не различает параллельные с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е м о т и в а ц и и, с одной стороны, и л е к с и ч е с к и е н е й т р а л и з а ц и и, с другой.

В качестве примеров заимствования словообразовательной мотивации одним балканским языком из другого можно, опираясь на материал К. Сандфельда, привести следующие:

- 1) мотивации, заимствованные арумунским из албанского: "больной" < "немочь" [Sandfeld 1930: 69];
- 2) мотивации, заимствованные румынским из славянского: "руководитель" < "лоб (чело)", "недостаток" < "доставать", "бельмо" < "белый" [Sandfeld 1930: 86], часто представленные также и в албанском: "пчелиная матка" < "мать", "висок" < "слепое око" [Sandfeld 1930: 88–89];
- 3) мотивации, заимствованные албанским из славянского: "июнь" < "красный", "июль или август" < "серп", "перчатка (рукавица)" < "рука" [Sandfeld 1930: 78, 79].

В качестве примеров заимствования лексической нейтрализации одним балканским языком из другого можно привести следующие:

- 1) румынские кальки с греческого: "рот" = "разрезанный ножом", "спасибо" =

"за много лет", "друзья" = "крестные братья", "доход" = "работа" [Sandfeld 1930: 42];

2) арумынские кальки с албанского: "быть необходимым" = "не хватать", "лицо" = "щека", "корова" = "проститутка" [Sandfeld 1930: 70];

3) румынские кальки со славянского: "свет" = "мир", "тьма" = "большое число", "жизнь" = "животное", "кукуруза" = "голубь" и др., часто представленные также и в албанском: "сторона" = "область", "жила" = "нерв", "играть" = "танцевать", "кривой" = "несправедливый", "путь" = "раз" [Sandfeld 1930: 85, 86, 88, 89].

Как и в случае формальных связей, при наличии румынско-албанской параллели принято говорить о межъязыковом соответствии, а не о заимствовании из одного языка в другой. Параллельными мотивациями здесь следует признать "пчела" < "улей", "снег" < "падать", а нейтрализациями – "богатый" = "имеющий", "сам" = "персона", "делать" = "идти". К этим соответствиям часто подключение болгарского языка: "горсть" = "маленькая рука, ручка", "язычок (анат.)" = "маленький человек, человечек", "спина" = "лопатки", "пояс" = "поколение", "знать" = "верить" [Sandfeld 1930: 72–73].

Наибольшее значение имеют, однако, примеры общебалканской изосемии (появление которых К. Сандфельд связывал с воздействием греческого языка по той причине, что именно этот язык оказал наибольшее формально-лексическое влияние на все остальные). Во всех языках полуострова отмечены следующие словообразовательные мотивации: "совет" > "разговор", "венки, корона" > "венчаться, жениться", "сладкий" > "получать удовольствие, наслаждаться", "весь" > "постоянно (всегда)". Общебалканскими являются следующие лексические нейтрализации: "пасхальная неделя" = "великая неделя", "масленичная неделя" = "сырная неделя", "век (столетие)" = "жизнь", "язык" = "народ", "смола" = "пекло", "пупок" = "центр", "Плеяды (созвездие)" = "курица", "губа" = "край", "лицо" = "персона", "жених" = "зять", "невеста" = "невестка", "направлять" = "делать", "проходить, идти" = "жить", "брат" = "покупать", "расстилать" = "накрывать на стол" = "стелить кровать", "убивать" = "бить", ударять", "удивляться" = "думать", "связанный" = "бессильный", "писать" = "рисовать", "писанный" = "красивый", "зрелый" = "печеный", "бледный, побледнеть" = "желтый, пожелтеть" [Sandfeld 1930: 34–39]. По мнению Г.Р. Золты, "здесь определенное балканское единство проявляется также в лексиконе" [Solta 1998: 1024]. Установление фактов общебалканской изосемии (также безотносительно к ее источнику [Семчинский 1977]) является поэтому одной из центральных задач современного балканского языкознания. Некоторое число новых фактов параллельных мотиваций и лексических нейтрализаций введено недавно в научный оборот П. Асеновой [Асенова 1989: 38–39] и М.В. Домосилецкой [Домосилецкая 1999].

Фактически общебалканское распространение получила изосемия, возникшая в результате прямого греческого и турецкого влияния. Речь идет о греческих словообразовательных мотивациях ("открывать" > "весна", "смех" > "высмеивать") и лексических нейтрализациях ("знаменитый" = страд. прич. от "слышать", "крепкий" = "здоровый", "способный, сильный" = "плохой", "очень" = "плохо", "пустой" = "свободный, праздный", "черный" = "плохой", "новый" = "молодой", "знак" = "чудо", "любить" = "хотеть", "принести" = "привести", "входить" = "(в)падать", "выходить" = "(вы)падать", "восток" = "выход"), распространенных в арумынском, албанском и болгарском языках [Sandfeld 1930: 41]. Также широко распространены и турецкие словообразовательные мотивации ("коммерция" < "дато-взято") и лексические нейтрализации ("место" = "земля", "лев" = "денежная единица, монета", "читать" = "петь") [Sandfeld 1930: 93]. В современной балканистике встречается утверждение о большем значении семантических, чем собственно лексических турцизмов в балканских языках, поскольку первые "свидетельствуют о более сильном проникновении в язык" [Hazaı, Kappler 1999: 667].

При анализе явлений межъязыковой изосемии центральной проблемой является

разграничение собственно семантического заимствования (расширение смысла данного слова под влиянием значений соответствующего слова другого языка), общего семантического развития при наличии единого импульса и независимой ассоциации. Ее нерешенностью "объясняется отсутствие системных исследований в этой области балканского языкознания" [Асенова 1989: 35–37]. Так, обнаружение подобных случаев изосемии и вне балканского ареала, по мнению К. Сандфельда, свидетельствует либо о том, что балканское семантическое развитие расширилось и вне Балкан, либо о том, что внебалканские примеры отражают случайное совпадение с балканскими моделями, либо о спонтанности и независимости семантического развития во всех этих языках, причем в последнем случае важную роль будет играть выделение языковых семантических универсалий (типа нейтрализации "голова" = "верхняя часть") [Sandfeld 1930: 33–34]. Это заставляет некоторых балканистов сомневаться в доказательности таких параллелей для постулирования балканского единства [Solta 1998: 1025]. При том, что методика такого исследования пока разработана недостаточно, трудно выполнить следующее требование, выдвинутое П. Асеновой: "Прежде чем приступить к выяснению происхождения данной изосемии, нужно доказать, что она не является результатом независимой ассоциации в каждом отдельном языке" [Асенова 1989: 40]. Решение этой проблемы видится. с одной стороны, в создании предметных словарей с привлечением материала из балканских и небалканских языков [Batowski 1939; Schröpfer 1956], с другой, – в расширении именно лингвогеографических исследований, которые часто "подтверждают интерференционный характер некоторых лексико-семантических явлений в говорах того или иного языка" [Семчинский 1977: 122].

2. АРЕАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ БАЛКАНСКОЙ ЛЕКСИКИ

2.1. Лингвистическая география и ареальная лингвистика

Лингвистическая география рассматривается нами в качестве основного метода отдельной лингвистической дисциплины – ареальной лингвистики. Рожденная в рамках индоевропейской компаративистики в середине XIX в. в качестве дополнения к сравнительно-историческому методу и в ходе дискуссии о понятии "диалект", она связана с общетеоретическим представлением о языках как о непрерывном континууме их диалектов, о языковых явлениях как о волне, распространяющейся из центра и, формируя изоглоссы, дифференцирующей инновационную часть языковой территории от архаичной, и о диалектах как об индивидуальных комбинациях таких инноваций. Основные процедуры этого метода состоят в выборе обследуемой территории, в выборе обследуемых пунктов, в разработке вопросника (программы), в полевой работе, в составлении базы данных, в картографировании языковых явлений, т.е. в составлении лингвистических карт и атласов (существуют различия в конкретной реализации этих процедур в германской, романской и славянской школах лингвогеографии). Лингвогеография внесла большой вклад в методологию лингвистики точным отражением пространственной стороны языка как целого, но прежде всего, установлением относительной хронологии и динамики развития отдельных явлений (что часто раскрывает и их происхождение), особенно в сопоставлении с так называемой "некартографической монографической диалектологией" (которая, со своей стороны, имеет в качестве преимущества глубину и детализированность описания).

Давая ответы на ряд вопросов сравнительно-исторической грамматики отдельных языков и их семей, этот метод открывает и новую лингвистическую реальность – языковой ландшафт, формируемый изоглоссами с их направлением распространения и ареалами с их формами; при этом вскрываются и взаимные отношения между отдельными изоглоссами и между отдельными ареалами. Языковой ландшафт является объектом исследования ареальной лингвистики, цель которой состоит в его содержательной, т.е. исторической и структурной интерпретации. Изучая причины, развитие, фронт прохождения и направление какой-либо инновации,

ареальная лингвистика оперирует понятиями инновативного центра ареала, его архаичной периферии и зоны диффузии. Изучая структуру дифференциации, она обращает наибольшее внимание на изоглоссы, совпадающие по направлению и формирующие таким образом пучок. Ареальная лингвистика делает возможным как сравнительно-историческое, так и синхронно-типологическое изучение как генетических (например, южнославянская), так и ареально-типологических (например, балканская) групп языков. Со сравнительно-исторической точки зрения ключевое место занимают ареалогические понятия континуума и арханизма, а с синхронно-типологической – общелингвистическое понятие фрагмент языковой системы. В сравнительно-историческом аспекте встают вопросы о путях балканской языковой конвергенции, и прежде всего о ее инновационном центре и архаической периферии. Здесь речь идет об исследовании географической дистрибуции известных и еще неизвестных балканских межъязыковых параллелей (основными задачами такого исследования являются раскрытие направлений и динамики процессов балканизации, раскрытие центров иррадиации балканских параллелей, раскрытие их происхождения и хронологии формирования). Несмотря на отсутствие исследований в этой области, в балканистике как будто бы утвердилось мнение о наличии ядерной зоны балканского языкового сообщества в юго-западной части полуострова, "где встретились албанцы, греки, македонцы, арумыны, сербы и турки, где господствовал не только билингвизм, но и три- и многоязычие: это область южной Албании, Эпира и западной Македонии, соответствующая римской провинции Dardania" [Solta 1998: 1021], хотя и допускается теоретическая возможность нескольких ареально не связанных источников возникновения одной и той же балканской инновации (ср. [Цыхун 1981]). В синхронно-типологическом аспекте встает вопрос об ареальной обусловленности параллелизма между отдельными балканскими (диалектными) системами, что достигается лишь путем установления балканских междиалектных микроареалов. Для решения задач обоих аспектов следует считать чрезвычайно перспективным признание наличия у балканской языковой общности собственного диалектного ландшафта.

В науке никогда не существовало сомнения в применимости ареальных методов в исследовании балканских языков, а составление Балканского лингвистического атласа часто даже полагается важнейшей задачей балканистики [Solta 1998: 1021]. "Углубление наших знаний о балканском языковом сообществе сегодня невозможно без учета лингвогеографии как направления исследования и ее результатов" [Choliolchev 1979: 49]. Лингвогеография давно и достаточно успешно привлекается для установления ареалов распространения лексических заимствований в отдельных балканских языках (так, назовем из относительно недавних работ статьи М. Младенова о румынских и греческих элементах в болгарском и славянских – в румынском [Младенов 1983; 1991], или ожидающие публикации обобщающие труды К. Лешбер о славизмах в румынском [Leschber 1998; Hinrichs 1999: 628], или ареальный словарь славянских заимствований в албанском Дж. Юллы [Ylli 1997]), хотя зачастую обнаруживается поразительное незнание публикаций на эти темы даже ведущими специалистами [Tzitzilis 1999: 607].

Большую роль в изучении лексики балканских языков методом лингвогеографии может сыграть Atlas linguarum Europae [ALE 1983–1997], карты которого представляют значительный материал как для сравнительно-исторического, так и синхронно-типологического подходов. Прежде всего, однако, следует отметить, что достаточно большое число карт ALE фактически отражает распределение лексики по генетическим языковым группам (греческий, албанский, турецкий, романские и славянские языки) с возможной внутрдиалектной дифференциацией на территории одного из языков, что позволяет установить лексические сферы, в которых взаимопроникновение балканских языков отсутствует. Таковы лексические карты: I.1. "Солнце", I.2. "Луна", I.4. "Туча", I.5. "Ветер", I.16. "Море", I.21. "Цветок", I.24. "Береза", I.29. "Гром", I.30. "Foudre. Молния", I.39. "Ежевика", I.47. "Ячмень", I.51. "Собака"; такова же мотивационная карта I.23. "Ветка".

Собственно лексические карты ALE отражают значительное число широко распространенных заимствований в балканских языках (древних и новых, в основном, турецких и ряда латинских и романских), например:

Карта I.5. "Ветер" (алб. *erë*, греч. *a'eras* из лат.);

Карта I.12. "Лужа" (болг., мак., сербохорв., греч. *bara* из тур., болг., греч. *gól* из тур.; ср. распространение лексемы *gól* в значении "Пруд" на карте I.14. и в значении "Озеро" в алб., греч., тур., болг. на карте I.15. "Озеро");

Карта I.34. "Свинец" (алб. *plumb* из романск.);

Карта I.35. "Олово" (общербалк. *kalaj* из тур.);

Карта I.36. "Дуб" (сербохорв., болг. *cer*, алб. *çarr* из лат.);

Карта I.41. "Огурец" (сербохорв., мак., болг., рум., греч., алб. *kastravec* и слав.);

Карта I.48. "Кукуруза" (с чрезвычайно сложной конфигурацией ареалов большого числа лексем).

Значительное число карт отражает локальные лексические заимствования:

Карта I.3. "Туман" (алб. *jez'e:ɾ* из слав.);

Карта I.17. "Река" (сев.-зап. болг. *bara* из тур.);

Карта I.25. "Осина" (юго-вост. болг., греч. *lavac* из тур.);

Карта I.26. "Груша" (греч. *g'ortso* из слав. через алб. посредничество);

Карта I.31. "éclair. Молния" (сербохорв. в Далмации *lamp* из итал.);

Карта I.23. "Медь" (сербохорв. в Далмации *ram* из ром.);

Карта I.34. "Свинец" (болг., мак. *kuršum* из тур.);

Карта I.35. "Олово" (сербохорв. в Далмации *stań*, греч. *stango* из ром.);

Карта I.35. "Олово" (сербохорв. *kositer* из греч.);

Карта I.36. "Дуб" (болг., греч. *meše* из тур.);

Карта I.37. "Гора" (болг. *halkan* из тур.);

Карта I.38. "Сосна" (сербохорв., болг. *çam* из тур.);

Карта I.41. "Огурец" (сербохорв. в Далмации *kukumer* из итал.).

Примером решения некоторых задач собственно балканской ареальной лексикологии в сравнительно-историческом аспекте является исследование Х. Холиолчева [Chololchev 1979] о некоторых названиях культурных растений (кукурузы, картофеля, арбуза, дыни и др.), достаточно поздно появившихся на Балканах и потому получивших свои названия во всех балканских языках и диалектах более или менее одновременно и в более или менее сходных экономических и культурно-исторических условиях. Устанавливаются три лексических ареала: 1) **центрально- и западнобалканский**, 2) **южнобалканский** и 3) **восточнобалканский**. Центрально- и западнобалканский ареал (с ядром в Сербии, юго-западной Румынии и северо-западной Болгарии) формируют области распространения различных по происхождению лексем *kukuruz*, *krompir*, *lubenica*. Южнобалканский ареал (с ядром в южной Болгарии и Фракии) формируют области распространения лексем *misir*, *patat(i)*, *karpuz(a)*, *pipon*. Восточнобалканский ареал (румыно-болгарская контактная зона в нижнем течении Дуная) формируют области распространения лексем *porumb* и *galabi* (обе в значении "кукуруза"), *kartoff(i)*. Таким образом установлены "зоны лингвгеографической концентрации" на Балканах, особенностью которых является то, что они суть не зоны иррадиации инноваций в обычном понимании лингвгеографии, а зоны сбора результатов инноваций, исходящих из различных направлений и источников. Тем не менее, в них можно видеть области собственно реализации балканского языкового сообщества [Chololchev 1979: 49].

Таким образом, очевидно, что расширение ареально-лингвистических исследований может внести существенный вклад в изучение формы лексических заимствований между балканскими языками в рамках рассмотренной выше классической для сравнительно-исторического языкознания парадигмы в ее основных аспектах.

В последнее время, однако, часто высказывается мнение о том, что "сходство балканских языков не может быть адекватно описано методами генеалогического языкового родства". причем привлечение концепции языкового союза отнюдь не рассматривается как обязательное [Solta 1998: 1022, 1023]. Наиболее продуктивным представляется применение **синхронно-типологического** подхода, заключающегося в стремлении описать и ареалогически истолковать целые фрагменты языковых (диалектных) систем. Этот подход в ареальной лингвистике связан, главным образом, с работами над Общеславянским лингвистическим атласом (ОЛА) (несмотря на то, что речь здесь идет о близкородственной группе языков), а с недавнего времени и над Atlas linguarum Europae (ALE) (несмотря на то, что языки Европы не формируют отдельной лингвистической группы). В ОЛА исследуется взаимоотношение между консонантизмом и вокализмом, системное место сонантов, просодии, консонантных корреляций по велярности, палатализованности, палатальности. В морфологии речь идет о характере склонения, о взаимоотношениях между синтетизмом и аналитизмом в системе существительного, о категориях лица, одушевленности, о категории определенности прилагательных, о системе временных форм глагола, о категориях вид и залог. В словообразовании наиболее интересными оказываются специфические функции общеславянских формантов. Наконец, речь идет и о системном исследовании лексико-семантических групп, что предоставляет возможность раскрыть "внутреннюю словообразовательную форму", мотивацию именования без учета этимологического родства. Так, например, семема "прием пищи в полдень" в южнославянских языках выражается лексемами, мотивированными: 1) темпорально (**južina* в хорватских славонских говорах; **poldnina* в южномакедонских говорах в Греции); 2) процессуально (~*obědъ* в южномакедонских говорах в Греции, в сербохорватских косовских, тимокских, черногорских приморских, герцеговинских, южнодалматинских, истрийских, кайкавских, градишчанских, в словенских в Италии; **kqsidlo* в западнословенских); 3) лексемой "рука" (**rqčьlkъ* в основной части сербохорватских и македонских говоров) [Вялкина 1995]. Основным вопросом подобных исследований генетических групп языков остается следующий: в каких случаях (или в какой степени) при наличии системных соответствий между родственными языками и диалектами речь идет о генетической, в каких об ареально-типологической, а в каких об универсально-типологической обусловленности?

Обращение к опубликованным картам ALE позволяет обнаружить общие или сходные словообразовательные м о т и в а ц и и во многих балканских языках и диалектах (отметим как само собой разумеющееся, что этот же диалектный материал может быть привлечен и для исследования ареалов и продуктивности определенных с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы х м о д е л е й на картографируемой территории), причем в настоящей статье не принимаются во внимание возможные параллели за пределами географической зоны Балкан:

- Карта I.7. "Радуга" (сербохорв., болг., алб., греч., тур. "пояс", "ремень" и т.п.);
- Карта I.18. "Кузнечик" (сербохорв., мак., болг., греч. "прыгун");
- Карта I.20. "Сосулька" (сербохорв., мак., тур. "расти; отросток");
- Карта I.20. "Сосулька" (сербохорв., болг., алб., греч. "блестеть");
- Карта I.28. "Ласка" (общербалк. "молодуха", "супруга");
- Карта I.42. "Божья коровка" (сербохорв., тур., греч. родовое название "насекомое");
- Карта I.43. "Божья коровка" (сербохорв., мак., болг., греч. "дева Мария");
- Карта I.44. "Божья коровка" (болг., алб. "свекла", "малина", "красное яблоко" и под.);
- Карта I.50. "Подсолнух" (болг., тур. "солнце" + глагол "смотреть");
- Карта I.59. "Рождество" (алб., греч. "Христос").

Как видно, речь идет как о двусторонних, так и об общербалканских явлениях.

Центральный для анализа межъязыковой изосемии вопрос об универсальной или ареальной обусловленности этих системных межъязыковых сходств наиболее остро встает в довольно частых случаях разорванности и неконтактности образуемых ими ареалов (что отражено на картах). Видимо, установление пучков системных изоглосс и обнаружение совпадения целого ряда подобных ареалов, являющееся, очевидно, делом будущего, сможет послужить дополнительным аргументом в пользу их собственно ареалогического объяснения. Кроме того, совпадение ареалов лексических заимствований (при известном источнике) и ареалов изосемии может помочь установлению источника (импульса) явления и во втором случае.

Н. Помимо изучения параллельных словообразовательных мотиваций в рамках синхронно-типологического ареального подхода к балканским языкам возможно обращение к фактам параллельных лексических н е й т р а л и з а ц и й. В этой области значительны достижения российской науки, связанные с работами по типологии славянской лексики Н.И. Толстого [Толстой 1997]. Моделирование славянских диалектных лексических и семасиологических систем привело Н.И. Толстого к выделению лексико-семантических м и к р о п о л е й как "искусственной, внутренне непротиворечивой модели-сетки с максимальным набором дифференциальных признаков", релевантных для суммы изучаемых диалектов. Границы семантического микрополя устанавливаются на основании междиалектной а м п л и т у д ы к о л е б а н и я так называемой опорной лексемы, представляющей собой сумму всех зафиксированных семантических сдвигов, выраженных одной лексемой в группе близкородственных диалектов. Метод был продемонстрирован Н.И. Толстым на примере анализа семантического поля "дождь – погода – время – год – час". С формально-логической точки зрения семантические фрагменты "дождь – погода" и "время – год – час" не связаны, поскольку относятся к разным понятийным полям, однако при определении границ семантического поля на основании амплитуды колебания опорной лексики + *godina* в различных славянских диалектах было показано, что данная лексема соответствует единому метаязыковому семантическому пространству, включающему все перечисленные семемы. На этом же основании была установлена максимальная (и эталонная) семантическая сетка, по-разному заполненная в разных славянских диалектах, что, собственно, и становится объектом дальнейшего типологического изучения.

Случаи заполнения одной лексемой двух и более семантических клеток наддиалектной сетки-модели Н.И. Толстой называл "неразличением" [Толстой 1997: 82, 83]. Представляется, однако, что следует различать случаи заполнения одной лексемой двух клеток семантической сетки, относящихся к одному понятийному полю (например, "время = год", или "время" = "час", или "год" = "час" в гипотетическом славянском примере), что может называться собственно н е р а з л и ч е н и е м, и случаи заполнения одной лексемой двух клеток семантической сетки, относящихся к разным понятийным полям (например, "время" = "погода" также в гипотетическом славянском примере), которые предпосредительно называть н е й т р а л и з а ц и е й.

Сам Н.И. Толстой открыто полагал, что "предложенный способ конструирования микрополей, основанный на формально-генетическом тождестве лексем, не применим в сфере языковых союзов, объединяющих языки различных семей (например, в сфере балканского союза)" [Толстой 1997: 59]. Отметим, что и в исторически ориентированной карпатской лексикологии, достаточно близкой методологически к лексикологии балканской, было принято исследовать "возможные направления эволюции семантики" (т.е. семантическую амплитуду) карпатских лексем, например, + *man(n)a*, + *koliba* и др., на материале генетически единой группы диалектов (украинских или словацких, например) и сопоставлять их затем с материалом неславянских языков [Клепикова 1977: 9, 12–13; Овчинникова 1983: 162–163]; ср., однако [Клепикова 1999a].

В настоящее время очевидно, что и в области балканской лексикологии возможно использование некоторых достоинств этого метода. Так, при наличии формального общеполубалканского лексического элемента возможно установление его семантической

амплитуды в ареале в целом и конструирование на этой основе семантических микрополей. Опубликованные карты ALE позволяют, например, установить амплитуду широко распространенной в балканских языках турецкой по происхождению лексемы *gol*: "лужа – пруд – озеро" (Карты I.12., I.14., I.15), на основе которой можно конструировать соответствующее семантическое поле (очевидно, что в этом конкретном случае лишь фрагментарно и лишь в пределах одного понятийного поля, конструирование которого возможно, кстати, и а priori). Картографирование конкретного семантического наполнения (конкретных семантических амплитуд) как этой лексемы, так и других, участвующих в оформлении данного поля, в отдельных балканских диалектах позволит установить ареалы типологической близости последних. При этом интерес представляют не столько случаи однозначного соответствия "лексема – семема" типа *gol* "лужа" или *gol* "озеро" и др., сколько гипотетические случаи семантических не различий типа "лужа" = "озеро" или нейтрализаций вне зависимости от их лексического оформления в том или ином балканском диалекте (т.е. случаи межъязыковой изосемии), подлежащие дальнейшему ареальному анализу. Следует отметить, что в ALE уже представлены карты подобного рода, например, I.32. "Tonnerre / foudre / éclair". Накопление достаточно большого числа подобных примеров позволит описать общевалканскую лексическую систему как систему отношений между общевалканским набором лексем и общевалканским же набором заполняемых этими лексемами клеток семантической сетки.

Синхронно-типологическое исследование балканской лексики не может обойти своим вниманием и вопрос об относительной проницаемости различных уровней и участков языковой структуры для внешнего воздействия. Рассматривая явления языковой интерференции "как равнодействующую двух противоположно направленных сил – стимулов интерференции и сопротивления ей" [Вайнрайх 1979: 104], современная теория балканского контакта устанавливает следующую иерархию проницаемости языковых уровней: словарь < синтаксис < фонетика < морфология [Solta 1998: 1023]. Необходимо изучение также относительной проницаемости отдельных участков каждого из этих уровней, в области словаря, например, относительной проницаемости для заимствований различных лексико-семантических групп. Поскольку структурными стимулами лексической интерференции могут быть любые факты различия между двумя системами (отсутствие соответствующих различий в языке-доноре или структурно слабые пункты в словаре языка-реципиента), "следовало бы, по-видимому, сначала найти способ, как определить степень внутренней целостности (integrateness) системы и как измерить долю той области, которая охватывается данным воздействием, а уж после этого проводить сравнение" [Вайнрайх 1979: 110]. Традиционные исследования лексики по ЛСГ (например, описание лексики латинского происхождения в румынском по тематическим группам [Domaschke 1919], многочисленные работы о лексических заимствованиях в отдельных балканских языках) не позволяют определить, какую именно с истемную роль в оформлении каждой конкретной ЛСГ играет унаследованная, а какую – благоприобретенная лексика, хотя определенные достижения в области анализа не изолированных лексем, а тематически связанных лексических (микро)групп (например, изучение коэффициентов заимствования) известны славистике [Михалк 1980], балканистике [Weigand 1911; Reiter 1990; Rocchi 1990; Birken-Silvermann 1992–1993] и карпатистике [Бернштейн, Клепикова 1998: 55].

3. ЛЕКСИКА В "МАЛОМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ"

Описание лексики в "Малом диалектологическом атласе балканских языков" (МДАБЯ) [Соболев 1998; Домосилецкая и др. 1998; Sobolev 2000] нацелено на решение как традиционных для балканистики задач сравнительно-исторического, так и наиболее актуальных в последнее время задач синхронно-типологического ее изучения: описание дву- и многосторонних лексических связей между балканскими языками; описание источников формирования и путей развития словарного состава каждого конкретного балканского языка; описание лек-

сического уровня балканской языковой общности [Домосилецкая, Жугра 1997], ср. также [Десницкая 1988]. Для представления в пространственной проекции основных пластов словарного состава балканских языков используется преимущественно классический лингвогеографический метод; для последовательного освещения наиболее релевантных для Балкан частей лексической системы диалектов наиболее адекватным является применение методов типологического и ареально-типологического, позволяющих получение сопоставимого (семантически соотносимого) лексического материала по основным балканским диалектам. Исследованию подлежат как формально-лексическая, так и семантическая сторона лексики в их неразрывной связи, в соответствии с чем предполагается разработать несколько типов карт. Карты лексические отражают названия одного и того же объекта номинации в разных диалектах и языках, в то время как карты семантические отражают различные значения формально тождественных слов. Мотивационные карты и карты междиалектных лексических неразличий и нейтрализаций отражают параллелизм "внутренней формы" номинации одного и того же объекта в разных балканских языках.

Принципиальной является методологическая открытость МДАБЯ, предусматривающего возможность применения самых различных методов для описания путей формирования балканского лингвистического ландшафта и диасистемы балканской языковой общности. Например, накопление идеографически организованного лексического материала предоставит в будущем также возможность рассмотреть и мультипликационные парадигматические отношения в рамках семантических полей или проводить исследования минимальных семантических единиц ("сем").

3.1. Ареальное изучение балканской лексики

Традиционное ареальное освещение формально-лексических и лексико-семантических связей между балканскими диалектами имеет своей наиболее очевидной первоочередной задачей установление географического распространения каждого заимствованного слова (и его фонетико-морфологических характеристик) во всем спектре его возможных значений по диалектам полуострова. Случаи, когда заимствование имеет во всех диалектах одно и то же значение (при возможности наличия полисемии внутри одного диалекта), т.е. когда его межъязыковая семантическая амплитуда равна единице, предоставляют наиболее прямые свидетельства о географических зонах лексического влияния тех или иных языков. Более сложны случаи, когда заимствование имеет разные значения как минимум в двух диалектах балканского ареала (также при возможности наличия полисемии внутри одного диалекта), т.е. когда его межъязыковая семантическая амплитуда охватывает не менее двух клеток семантической сетки. Здесь для балканистики особый интерес представляет реконструкция развития семантики слова, определение степени самостоятельности каждого говора в этом развитии и установление фактов его ареальной обусловленности. При семантическом анализе представляется правомерным различать семантические амплитуды лексем, остающиеся в пределах одной понятийной группы (межъязыковая полисемия), и семантические амплитуды, входящие за эти пределы (межъязыковая омонимия). При этом можно полагать, что именно факты параллельной межъязыковой омонимии наиболее надежно могут свидетельствовать о собственно ареальной связи между соответствующими диалектами, поскольку колебание значения слова в пределах тематической группы в большинстве случаев с большой долей вероятности может быть объяснено за счет собственно внутриязыкового и независимого в каждом диалекте развития.

Каждое балканское лексическое заимствование обладает, таким образом, формальным и семантическим ареалом, которые совпадают лишь в случае минимальности его семантической амплитуды (о наличии ареала мы предпочитаем говорить в случае соответствия как минимум между двумя пунктами, связанными географически; при

наличии соответствия между двумя несоседствующими пунктами предпочтительнее говорить о с в я з и, соответственно, лексической или семантической).

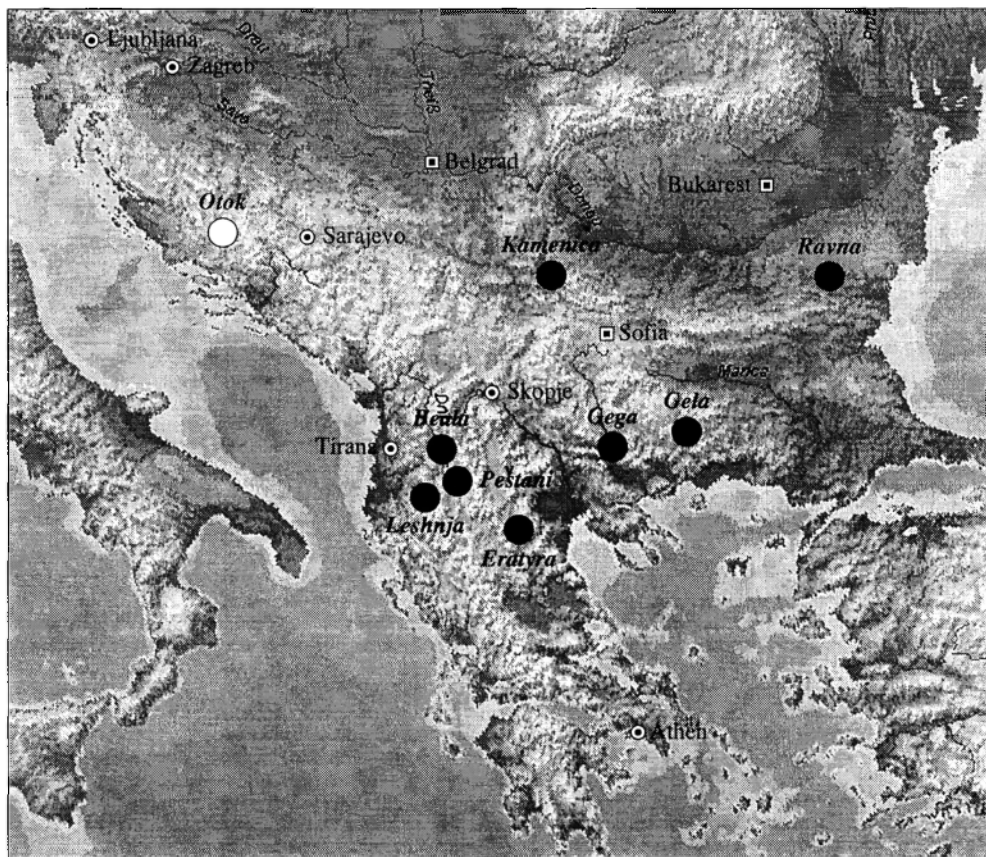
Формальные ареалы многозначных заимствований закономерно больше ареалов семантических, которых в каждом конкретном случае устанавливается не менее двух. Картографирование семантических различий (так же, как и картографирование различий фонетических, словообразовательных и морфологических) дает возможность установить внутреннее членение установленных формальных балканских ареалов, а в ряде случаев выделить их я д е р н ы е з о н ы и п е р и ф е р и ю.

Материал, собранный по так называемой "семантической" части программы МДАБЯ (составитель Г.П. Клепикова) и состоящий из 73 предположительно общевосточнобалканских лексем греческого, латинского, турецкого, славянского и субстратного происхождения [Домосилецкая, Жугра 1997: 70–73], может быть предварительно картографирован уже на настоящем этапе работы. При этом оказывается возможным представление обобщенной характеристики ареальной дифференциации балканской группы языков без привлечения данных других источников (например, уже опубликованных материалов атласов [ОКДА 1989–1994], собраний лексики [Петрович 1983] или данных диалектных словарей) (см., однако [Клепикова 1999б]). В дальнейшем изложении генетическая атрибуция рассматриваемых лексем производится в соответствии с текстом программы МДАБЯ, поскольку на настоящем этапе работы рассмотрение иных возможных решений представляется нецелесообразным. При допущении некоторых обобщений оказалось возможным выделить следующие основные типы лексических и семантических ареалов полуострова: **общевосточнобалканский** ареал, **восточный** ареал, **западный** ареал, **юго-восточный** ареал, **центральный** ареал, **южный** ареал.

Общевосточнобалканский ареал распространения (при возможном отсутствии в одном-двух ареально не связанных пунктах) имеют следующие грецизмы (здесь и далее для грецизмов приводится форма, зафиксированная для греческого пункта Эратира): *yum'ar* "осел", *dis'ak* "двойной мешок", *kal'iva* "хижина", *trjandafilu* "роза". Такого же распространения двух романизмов (для романизмов приводится форма, зафиксированная для арумьинского пункта Белица): *kul'astrā* "молозиво", *must'aki* "усы". Наибольшее число собственно общевосточнобалканских лексем представляют турцизмы (вследствие отсутствия данных из турецкого пункта здесь и далее для турцизмов приводится форма, зафиксированная для одного из балканских диалектов): *č'izmi* "сапоги" (Равна), *č'oxl*, *č'ox'a* "вид (плотной) ткани" (Гела), *dol'ap* "шкаф (стенной)" (Гела), *mlxl'ə* "квартал, часть населенного пункта" (Гела), *gerd'an* "ожерелье" (Гега), *p'enžei* "окно" (Гега), *plp'usa* "тапки" (Гела), *pešk'ir* "полотенце" (Равна), *rak'ijl* "фруктовая водка" (Гега), *t'enžere* "кастрюля" (Гега). Количественный анализ общевосточнобалканских лексических элементов, н е п р е д с т а в л е н н ы х в обследованных говорах, приводит к выводу о противопоставленности северо-западной окраины картографируемой территории (хорватский далматинский говор не знает лексем **trendafil*, **kolastra*, **mustaći*, **dolap*, **ma(h)ala*, **tenžera*) территории собственно в о с т о ч н о б а л к а н с к о й, в говорах которой концентрация этих лексем наиболее высока (количество отрицательных ответов в селах Гела и Каменица – 0, в Белице, Лешне, Эратире, Пештанах и Геге – 1, в Равне – 2). Общевосточнобалканский ареал продемонстрирован на Карте 1.

Этот же ареал распространения имеют формы ряда полисемных заимствований: грецизм *m'urgus*, *murg'os* "пестрый" – "коричневый, красноватый" – "серый" – "черный" – "темный"; романтизм *fust'ani* "платье" – "юбка" – "пола" – "ткань" и турцизм *č'erga* (Равна) "домотканый ковер" – "покрывало" – "одеяло". Картографирование семантики обнаруживает ареальную противопоставленность, а в ряде случаев, видимо, и ареальную взаимозависимость отдельных значений (Карта 2). Так, очевидно, что значение "платье" у лексемы *fust'ani* концентрируется на неславянском юго-западе ареала (в греческом, албанском и арумьинском пунктах), в то время как в славянских пунктах господствует значение "юбка". Заметим, что аналогичное внутреннее чле-

Карта 1
tr̥iand'afilu "роза"

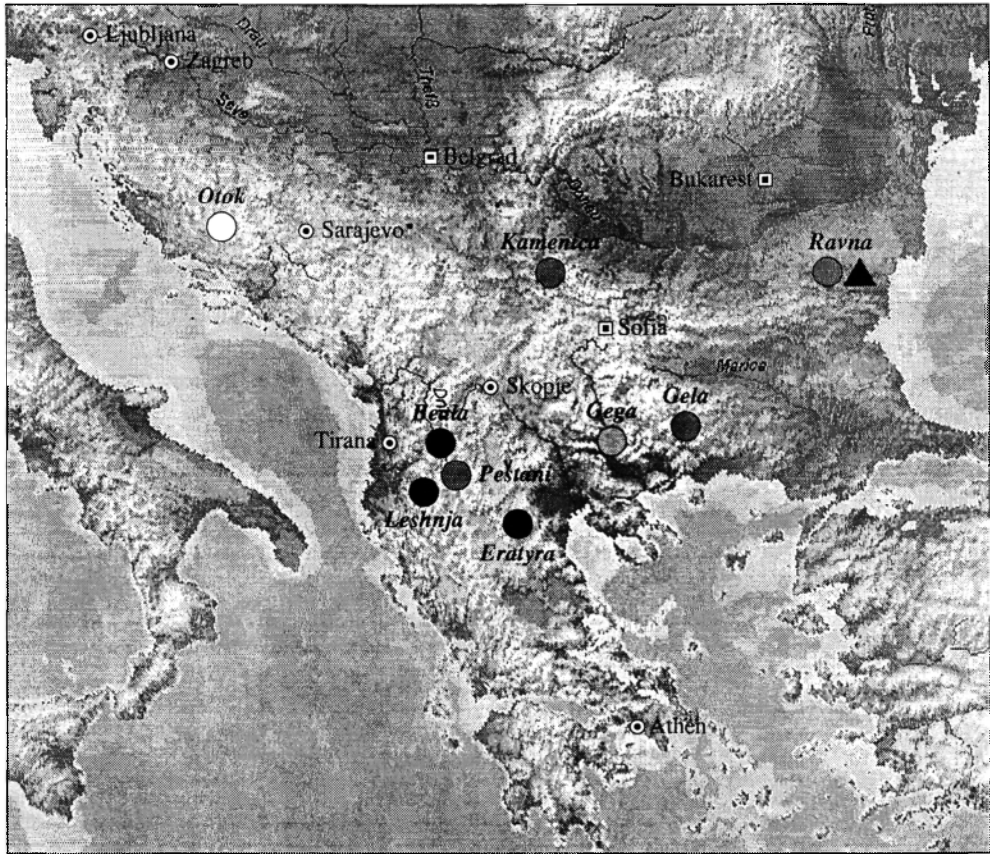
Условные обозначения:

● *tr̥iand'afilu*, *trend'afil* и т. п. "роза"

○ отсутствие лексемы

нение общеславянского ареала может быть получено и путем картографирования формальных характеристик заимствования. Так, следует отметить наличие метатезы в заимствованном грецизме *mlg'are* "осел" (Гега) во всех южнославянских пунктах и ее отсутствие именно в греческом, албанском и арумунском. Подобным же образом следует отметить наличие словообразовательной адаптации турцизма *rak'i* (Эратира) "фруктовая водка" во всех южнославянских (а под влиянием македонского и в арумунском) пунктах – *rlk'ija* (Гега) – и ее отсутствие в греческом и албанском пунктах.

Общеславянскими являются формальные ареалы и практически общеславянскими семантические ареалы ряда межъязыковых омонимов, демонстрирующих отклонение в семантическом развитии лишь в одном пункте и не обладающих, таким образом, как минимум двумя противопоставленными семантическими ареалами. Таковы, например, грецизм *kil'ar* "кладовая (для продуктов)" – "багажник" / "хлев" (отмечено единично), романизм *f'urka* "прялка (вид прялки)" / "вилка" (единично), субстратный элемент *stop'an* (Лешня) "хозяин" / "обработчик молока в селе" (единично).

Условные обозначения:

● "платье"

● "юбка"

● "пола"

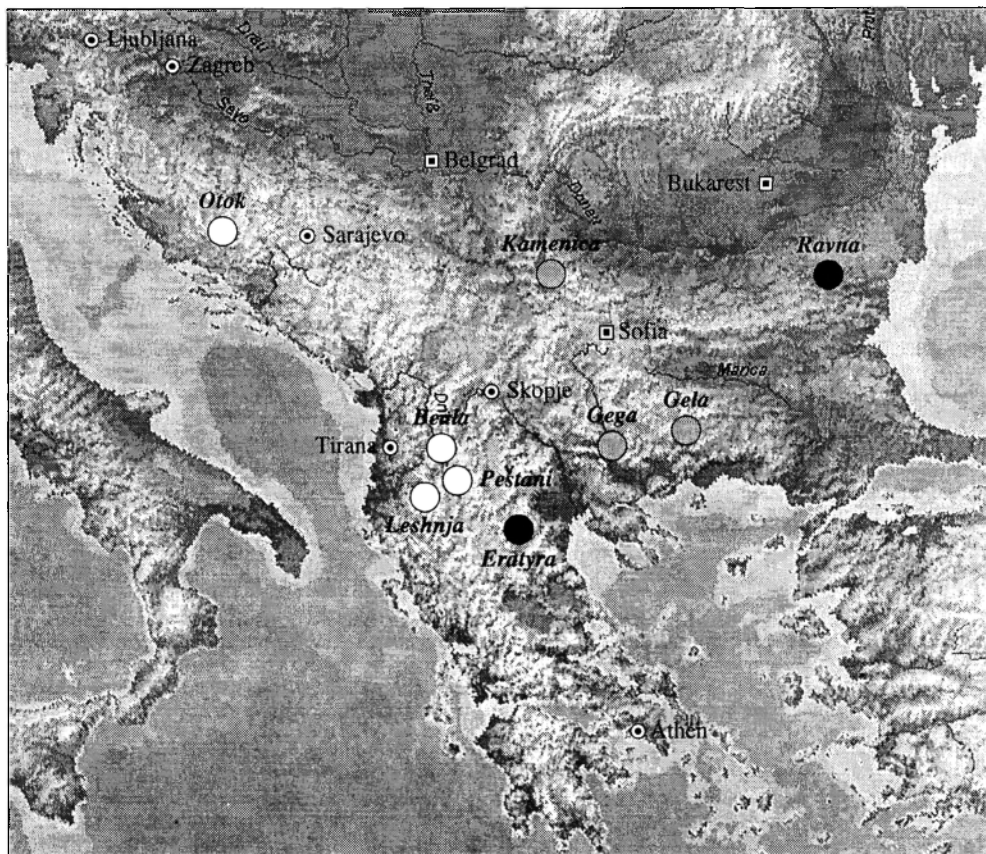
▲ "ткань"

○ отсутствие лексемы

Восточный ареал (греческо-македонско-болгарско-восточносербские параллели, с выборочным подключением арумынского или албанского) формируют зоны распространения следующих грецизмов: *d'askalus* "учитель", *kiram'id* "черепица", *m'irzma* "запах", *pir'd'on* "пила (вид пилы)" (Карта 3). Картографирование семантики такого межъязыкового омонима, как грецизм *kum'at* "кусок" / "кусок хлеба" – "вид хлеба", позволяет вычленив в пределах восточного формального ареала два семантических – ядерный юго-восточный греческо-болгарский и его западную периферию (с подключением Далмации к ядерной, а не к периферийной зоне). Обратим внимание на представленность среди лексем, зоны распространения которых формируют этот ареал, исключительно грецизмов.

Западный ареал (албанско-арумынско-сербохорватские связи), достаточно четко

Карта 3
pir'ion "пила"

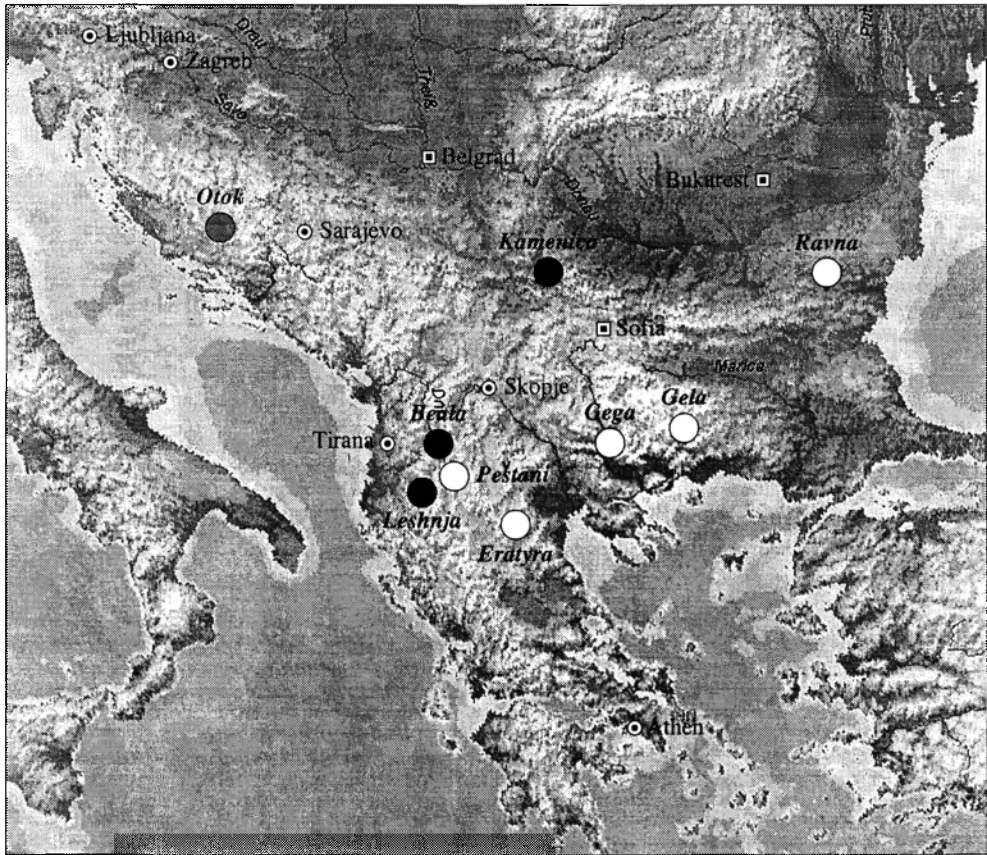
Условные обозначения:

- *pir'ion* и под. "пила"
- ◐ *triv'on* и под. "пила"
- отсутствие лексемы

противостоящий восточному, формируют зоны распространения субстратного элемента *b'al'igə* "навоз (крупного скота)" – Белица и турцизма *duh'an* "табак" (Лешня) (Карта 4). Этот же ареал отражает зона распространения формы полисемного субстратного элемента *v'atər* (Лешня) "огонь" – "передняя часть очага" (единично) и формы романского по происхождению межбалканского омонима *biš'ikə* "мочевой пузырь" / "прыщ" (в далматинском хорватском говоре отмечен омоним *bešika* "колыбель" турецкого происхождения). Можно выделить также **юго-западный** ареал (албанско-арумынские связи), который формируется зоной распространения субстратного элемента *cj'ar* "козел" (Лешня). Отметим особо отсутствие грецизмов среди лексем, зоны распространения которых формируют этот ареал.

Юго-восточный ареал (греческо-албанско-арумынско-македонско-южноболгарско-восточноболгарские связи) выделяется очень отчетливо на основании зон распространения большого числа лексем: грецизма *pirustj'a* "треножник", романизмов *bəst'un* "палка, трость (с загнутым верхом)", *furt'unə* "буря (сильный ветер)" и, наконец,

Карта 4
b'al'igə "навоз"

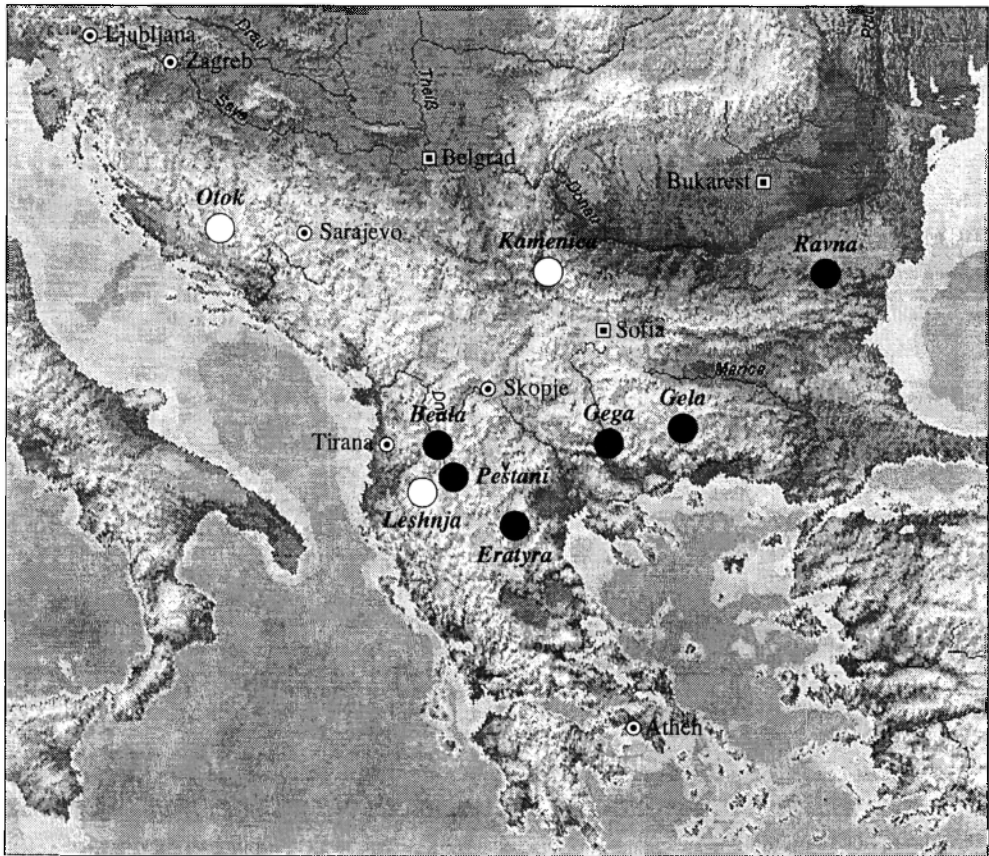

Условные обозначения:

- b'al'igə и под. "навоз"
- g'aleba "навоз"
- отсутствие лексемы

турцизма *sal'an'* "вид (медной) посуды; миска" (Гела), не отмечаемого в греческом пункте. Этому ареалу близки зоны распространения грецизмов *ar'es'*, *ar'ez'* "нравиться, любить", *zivγ'ar* "парная упряжка", *kat'a* "каждый" (Карта 5), не отмечаемых в албанском пункте, и также грецизма *d'afn* "лавр", отсутствующего в арумунском говоре. Этот же ареал устанавливается на основе картографирования форм ряда полисемных грецизмов *ayj'ezma* "источник (святой) воды" – "освященная вода", *s'inuri* "угодя села" – "межа" – "граница" – "пространство между двумя выгонами" (Карта 6) и *tenek'ijl* (Равна) "жесть" – "вид (жестяной) посуды". Нанесение на карту семантики этих полисемных заимствований обнаруживает противопоставленность юго-западной (часто албанско-арумынской) и юго-восточной (часто греческо-болгарской) частей ареала, и, видимо, именно ареальную обусловленность соответствующих значений в каждой из этих частей. Подобное же противопоставление вскрывает и параллельное картографирование формы и семантики таких межбалканских омонимов как грецизмы *n'andri* "постройка для переработки молока" – "место производства сыра" / "загон" –

Карта 5
kat'a "каждый"

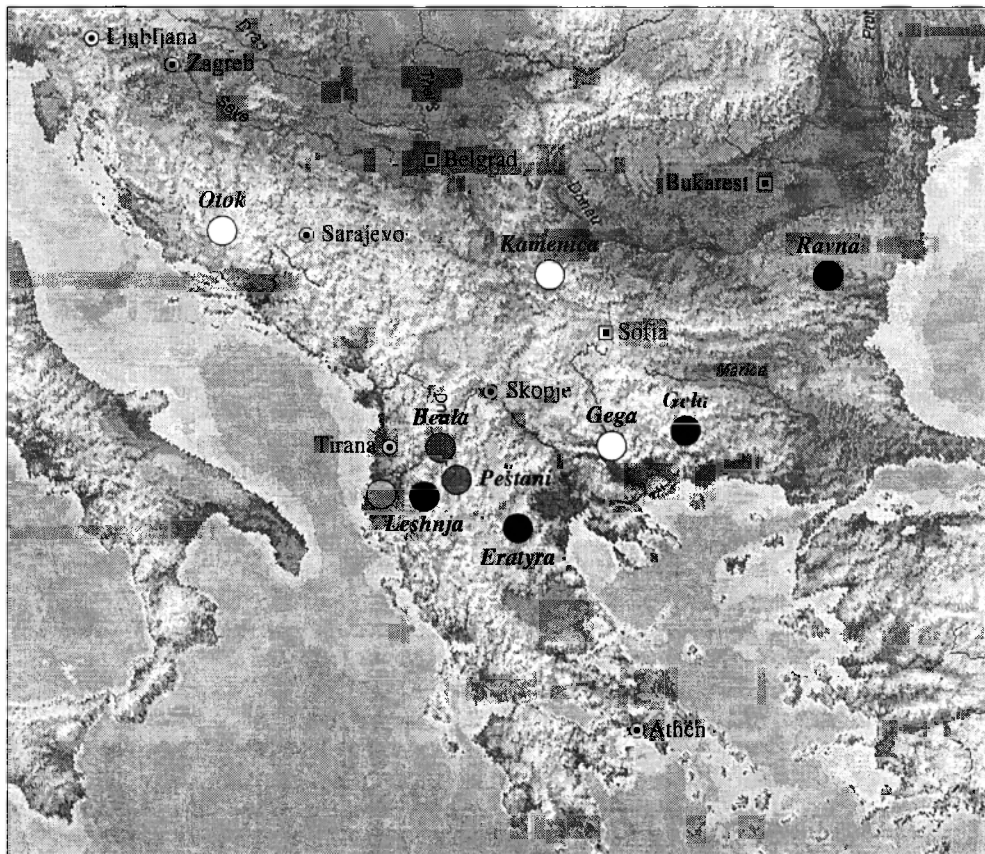

Условные обозначения:

- kat'a и под. "каждый"
- отсутствие лексемы

"скотный двор" и *s'oni* "прибывать, достигать; идти, прийти" – "подходить, годиться" / "заканчивать; кончаться" – "быть помолвленным" (Карта 7), а также субстратного элемента *kəč'ulə* (Белица) "вид головного убора" / "хохол".

Центральный ареал выделяется на основании зон распространения форм таких полисемных заимствований, как грецизм *r'izma* (или производный глагол) "неприятель" – "ненависть" – "злоба" – "вражда" – "мечь" (Карта 8) и субстратный элемент *pərru'a* (Лешня) "речка" – "ручей" – "ручей после дождя" – "сильный дождь" – "поток" – "нанос (после воды)". Картографирование диалектной семантики распространенных в центральном ареале таких межбалканских омонимов как грецизм *k'amara* "ниша (с дверцей)" – "кладовая" – "комната, помещение" / "кучка" – "собранный солома" (Карта 9), турцизм *čumb'er* (Равна) "(белый) платок" – "фата невесты" / "коса (волос)" и субстратный элемент *šp'uzə* (Лешня) "горячий пепел" – "жар" – "холодный пепел" / "скотина (о плохом человеке)" демонстрирует отчетливое противопоставление ядерной (юго-западной) зоны и северо-восточной периферии (при этом возможны подключения географически не центральных пунктов к ядерной зоне).

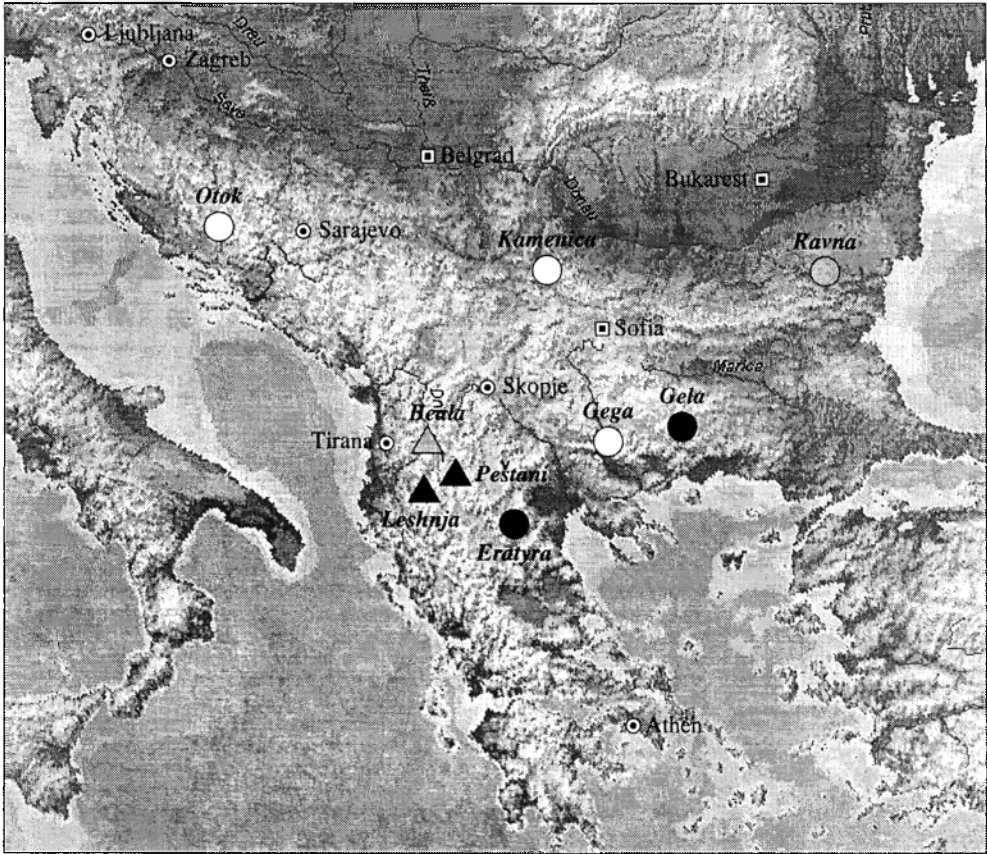
Условные обозначения:

- "граница", "межа"
- "уголья села"
- "пространство между двумя выгонами"
- отсутствие лексемы

Наименее ярко выражен **южный** ареал (греческо-арумынско-македонско-южно-болгарские связи), который формирует зона распространения грецизма *pk'el* "мотыга". К этому же ареалу подключается и область распространения грецизма *pr'ika* "приданое (в вещах)", отмеченного дополнительно и в хорватском далматинском говоре (Карта 10). Особый ареал греческо-албанско-арумынско-южноболгарской связи формирует зона распространения романизма *kəp'estru* "узда".

Особые ареалы отмечены, главным образом, в области семантики межъязыковых омонимов, таких как: грецизмы *dr'omus* "путь, дорога (ровная, насыпная)" – "улица" / "(необработанная) земля", *k'amatus* "тяжелый" / "долговой (банковский) процент" / "красивый", турцизм *blž'a* (Равна) "очаг" – "отверстие для выхода дыма посреди крыши" – "дымовая труба" / "лаз на чердак" / "окошко под крышей"; славизм *ob'or* (Равна) "двор" / "хлев (часть хлева)".

Примером **семантических связей** между ареально не связанными пунктами могут

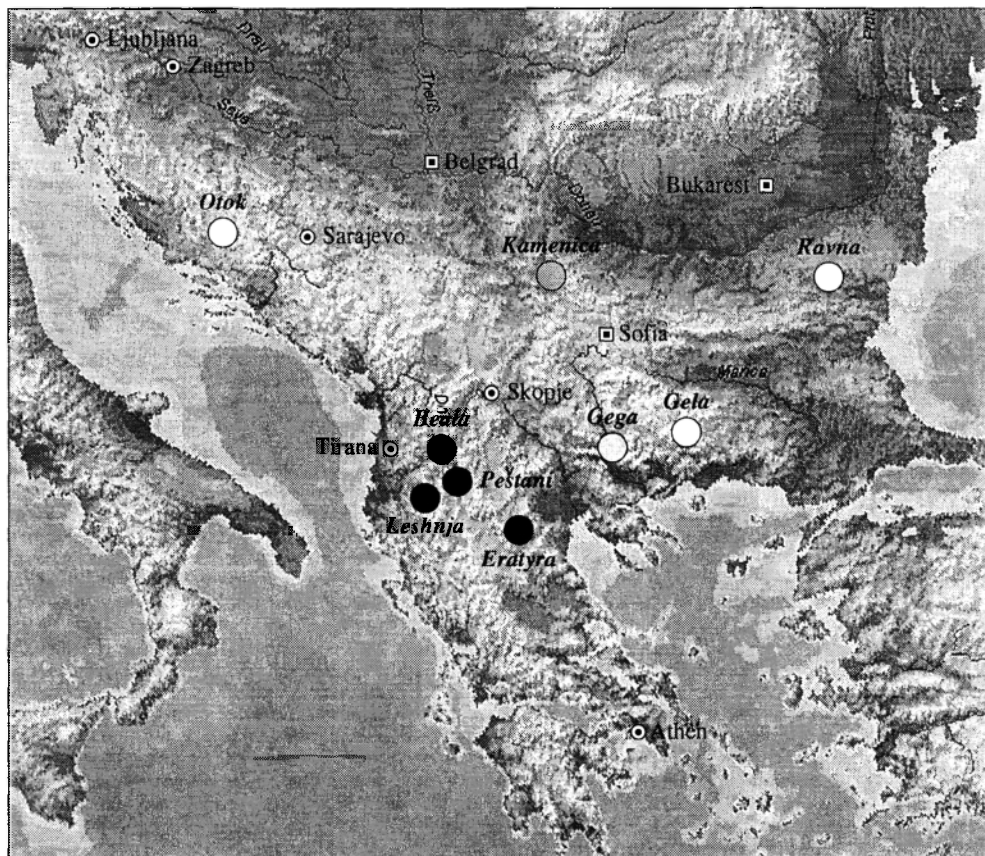

Условные обозначения:

- "прибывать, достигать", "идти, прийти"
- "подходить, годиться"
- ▲ "заканчивать", "кончаться"
- △ "быть помолвленным"
- отсутствие лексемы

служить такие формально общебалканские омонимы, как грецизм *ary'ac* "наемный работник (за еду, в поле)" / "мастеровой" (последнее значение связывает греческий и болгарский мизийский пункт), как распространенный на юго-востоке грецизм *pir'un* "вилка" и под. / "гвоздь" (демонстрирующий связь хорватского далматинского пункта с балканским югом) и как грецизм *l'iri* "оставлять" – "не хватать" – "быть нужным" / "падать от усталости" – "умереть" – "сдохнуть (о скоте)", который демонстрирует связи болгарского говора в Пиринской Македонии с сербохорватскими. Некоторые из таких связей находят свое подтверждение и в области формы заимствования. Так, близость фонетики грецизма *pir'on* "пила (вид пилы)" в собственно греческом и восточноболгарском мизийском пункте (см. Карту 3) свидетельствует об особом пути или источнике заимствования в болгарский говор.

Одной из актуальных задач балканской реальной лексикологии является рас-

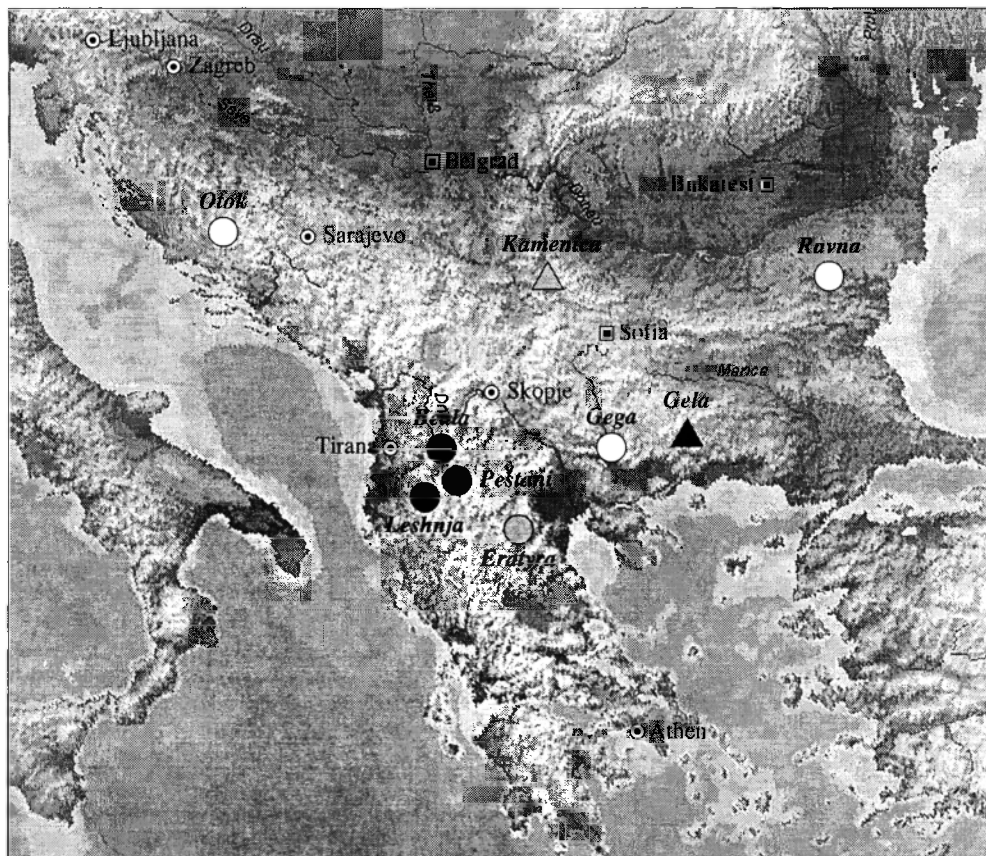

Условные обозначения:

- “неприязнь”, “ненависть”, “вражда”, “злоба”
- “мечь”
- “думать о вещах хуже, чем они есть”
- отсутствие лексемы

смотрение зон распространения заимствований по этимологическим группам (грецизмы, романизмы, турцизмы, славизмы и субстратные элементы) с последующим установлением наиболее характерных ареалов, т.е. з а к о н о м е р н о с т е й распространения лексем для каждой из этих групп отдельно и сопоставлением полученных результатов. В случае обнаружения таких закономерностей окажется возможным привлечение ареальных критериев для установления неясных этимологий или для реконструкции путей проникновения тех или иных лексем в конкретные балканские языки. На основании ареальных данных можно делать выводы и об относительной хронологии заимствований, а именно, периферийную фазу (например, ареалы наиболее широко распространенных грецизмов) можно оценить как более архаичную, а центральную как новую. Чрезвычайно важны и вопросы абсолютной хронологии формирования балканских лексических ареалов, решение которых, разумеется, выходит за рамки собственно ареальной лингвистики.

Принципиально важным, однако, является тот установленный выше факт, что

Условные обозначения:

● “ниша (с дверцей)”, “кладовая”

● “комната, помещение”

▲ “кучка”

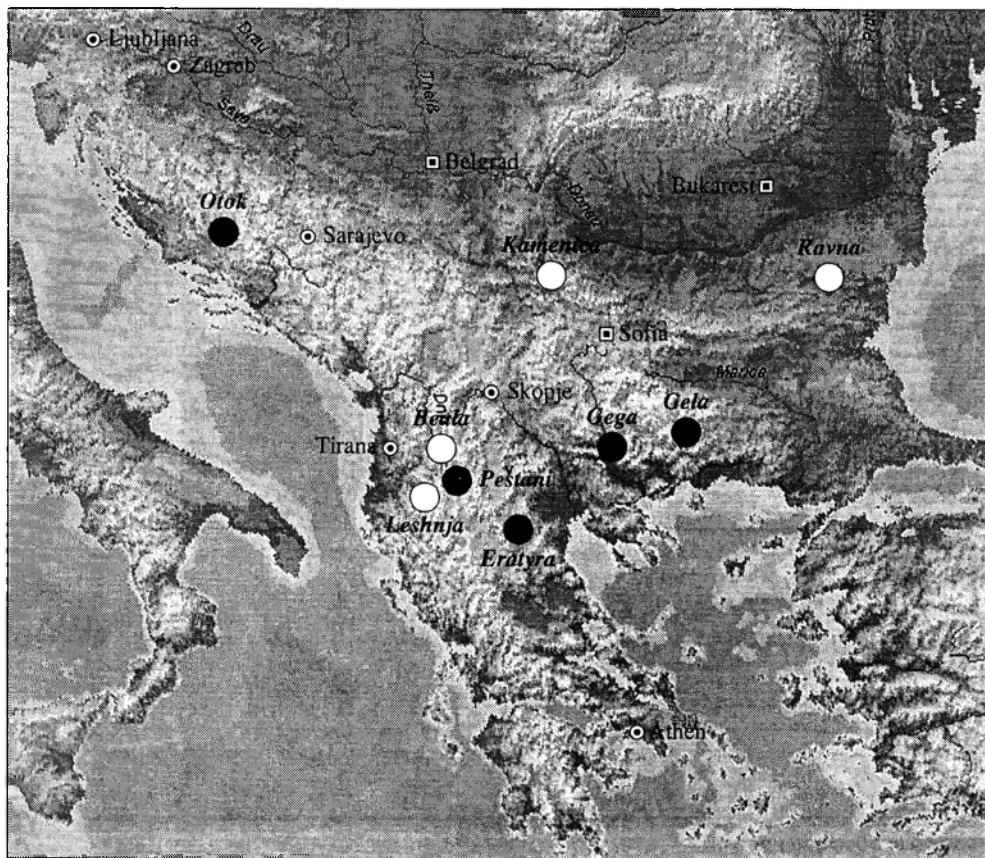
▲ “собранная солома”

○ отсутствие лексемы

некоторое число заимствований различного происхождения и очень различной хронологии имеют одинаковые или как минимум очень сходные ареалы распространения. Так, в юго-восточном ареале, формируемом в основном грецизмами, и в западном ареале, в котором именно грецизмы отсутствуют, отмечается по одному различному по происхождению субстратному элементу, романизму и турцизму, т.е. в формировании обоих ареалов участвуют различные по источнику и хронологии появления на Балканах лексемы. Одно из возможных объяснений этому было выдвинуто еще в классической балканистике, которая подчеркивала роль языков-посредников (и прежде всего греческого и турецкого) и распространении лексических заимствований на полуострове, стирающую ареальные различия между лексемами различного происхождения, хотя нельзя полностью исключить и возможность единичных случайных совпадений неодновременно сформировавшихся различных ареалов.

Представленные данные позволяют говорить о балканском языковом ареале в целом как о непрерывном к о н т и н у у м е балканских диалектов, в котором от-

Карта 10
pr'ika "приданое"

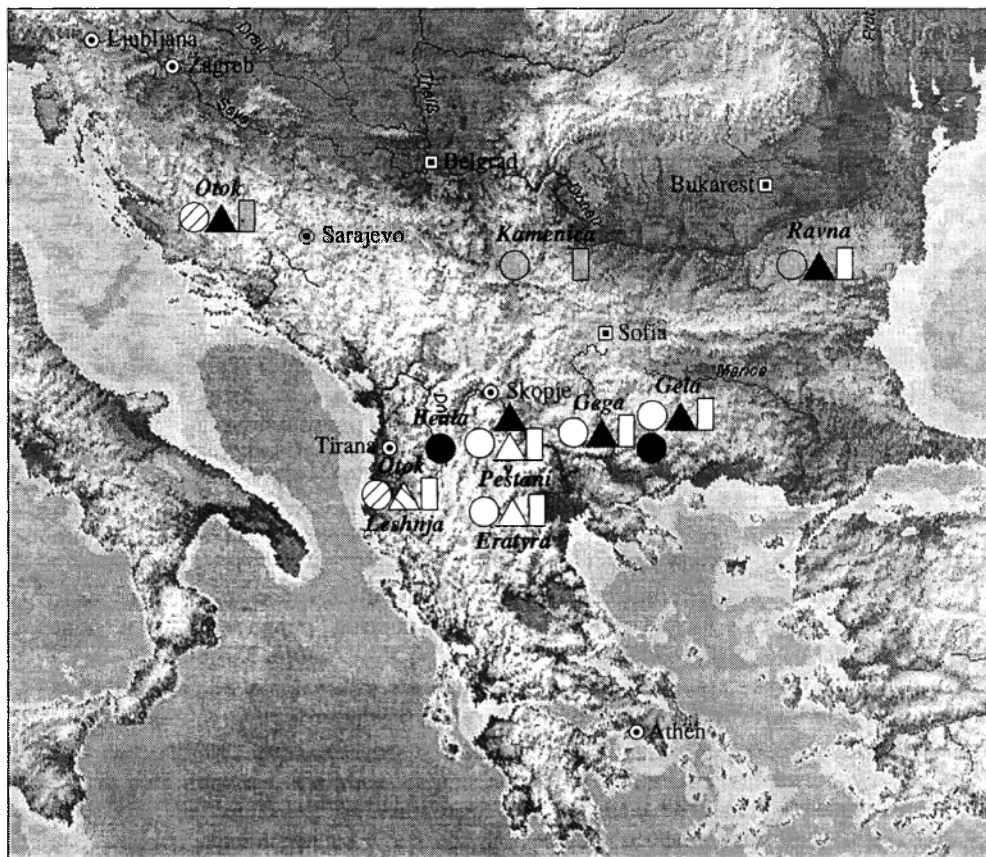
Условные обозначения:

● pr'ika и под. "приданое"

○ отсутствие лексемы

сутствуют барьеры для заимствования и распространения формальных, т.е лексических элементов от одного пункта к другому. Возможным оказалось вычленение чрезвычайно устойчивых лексических ареалов, в ряде случаев с их (семантическим) центром и периферией; это позволяет говорить о диалектной структуре балканской языковой общности (не совпадающей с ее генетическим членением), манифестируемой на лексическом уровне (можно, далее, предположить, что и на других языковых уровнях – грамматическом, например, – обнаружатся как минимум элементы такой структуры). Интересен тот факт, что **основное направление** границ ареалов (за исключением наименее ярко выделяющегося, южного) – северо-восток – юго-запад – в принципе повторяет направление основных изоглосс в южнославянской диалектной области, перпендикулярных относительно основных географических доминант полуострова [Ивић 1991]. Накопление сведений в области ареальной дифференциации на Балканах может заложить основы исторической диалектологии конвергентных языковых общностей.

Поскольку подавляющее большинство проанализированных лексем концентрируется в юго-восточном ареале (отражающем прежде всего греческо-болгарские, затем

Условные обозначения:

- “репчатый лук” ○ грецизм *krum’id* и под.
 ● турцизм в словосочетании *sug’an luk*
 ⊗ славизм (*rep’at*) *l’uk*
 ⊘ романизм *ćep, k’apula*
 “лук-севок” △ грецизм *kork’ar* и под., *volv’os* и под.
 ▲ турцизм *mrāž’ik* и под.
 ▴ албанский дериват романизма *ćep’uik*
 “лук-порей” □ грецизм *preš, pras* и под.
 ▤ славизм (*zel’eni, primorski*) *l’uk*

греческо-албанско-арумынско-македонско-болгарские связи), его на этом основании можно рассматривать в качестве лингвистически центрального, т.е. в качестве источника общебалканских лексических инноваций. С одной стороны, это очевидно связано с географическим положением греческого языка как языка-источника и как важнейшего языка-посредника для большого числа принятых к рассмотрению общебалкан-

ских лексем, но, с другой, подключает к балканскому инновационному центру и географически не центральный восточноболгарский мизийский говор.

Возможно, наконец, делать заключения о собственно ареальной обусловленности семантических сдвигов в заимствованиях в ряде диалектов.

3.2. Ареально-типологическое изучение балканской лексики

Построение основной части лексической программы МДАБЯ по идеографическому принципу описания лексической составляющей балканской картины мира и по принципу системной целостности впервые в балканистике предоставляет возможность перейти от картографирования отдельных взятых атомарно и часто семантически несоотносимых лексем к репрезентации ареалов групп слов, объединенных системными связями [Домосилецкая, Жугра 1997: 3]. В дальнейшем изложении будут представлены некоторые возможности интерпретации получаемых лексических данных в ареально-типологическом аспекте.

Существенные для типологии языковых контактов вопросы степени внутренней целостности и проницаемости для внешнего воздействия различных участков языковой структуры могут быть продемонстрированы на примере анализа лексики из ЛСГ "Лук", относящейся к сфере терминологии культурных растений.

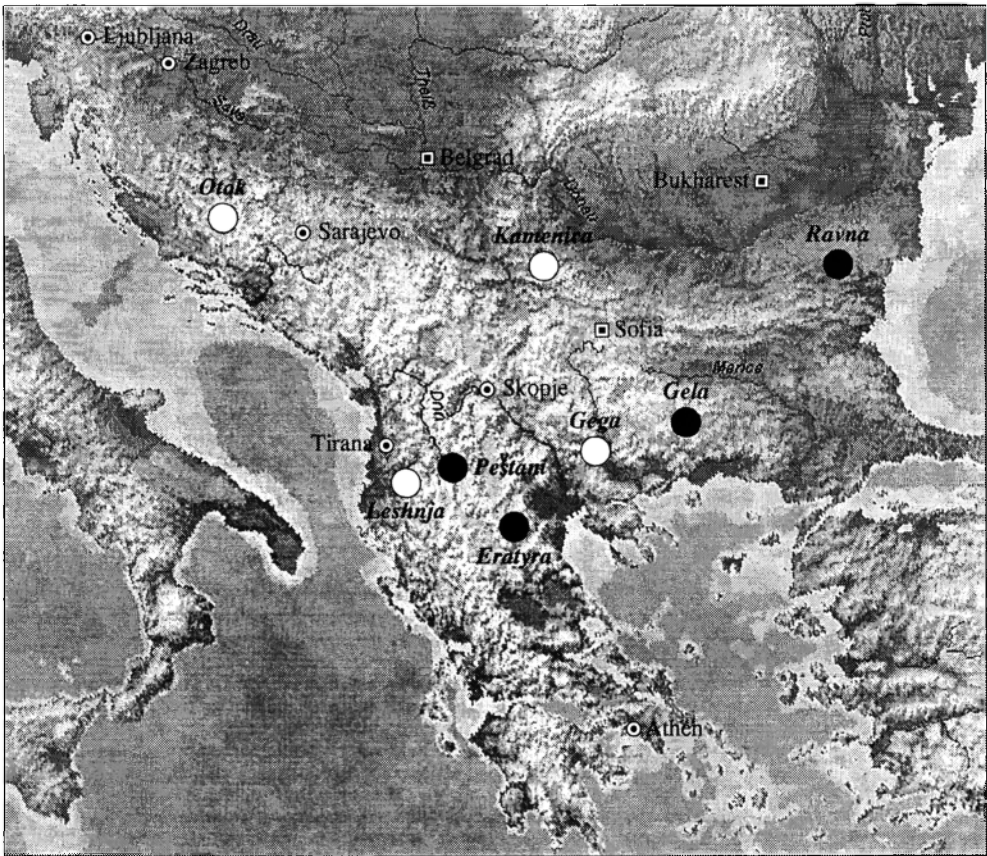
Рассмотрение роли иноязычных заимствований в лексическом оформлении такого семантического микрополя как "Названия видов лука", состоящего из пяти логическим путем установленных семантем ("репчатый лук", "многолетний лук-сеянец", "лук-севок", "лук-выборок" и "лук-порей"), приводит к обнаружению абсолютно различных коэффициентов заимствований, свойственных отдельным диалектам (см. Карту 11). Так, лишь для двух диалектов этот коэффициент равен нулю, поскольку все соответствующие лексемы в них автохтонны. Для семантемы "репчатый лук" в греческом говоре Эратире находим *krum'it*, а в восточносербском говоре Каменицы – *rep'at l'uk*. Для семантемы "лук-севок" в Эратире находим *kork'ar* и *volv'os* (в Каменице без ответа). "Лук-порей" в Эратире обозначается лексемой *pr'asu*, а в Каменице – словосочетанием *zel'eni l'uk*. Для обоих говоров, таким образом, свойственна устойчивость этого участка лексической структуры, выражающаяся в сохранении и развитии унаследованного (греческого и славянского) состояния.

Однако в западномакедонском говоре села Пештани и в пиринском говоре села Гега ни одна из этих семантем не оформляется славянскими по происхождению лексемами: в значении "репчатый лук" в обоих пунктах находим грецизм *krum'it* (Гега), в значении "лук-севок" – турцизм *vrpž'ik* (Гега; в Пештанах в этом же значении также и грецизм *k'okar*), а в значении "лук-порей" – грецизм *pras*. Родопский говор села Гела сохраняет славянское обозначение для "репчатый лук" лишь как элемент словосочетаний *kurm'it luk* и *sug'an luk*, употребляет *vrpž'ik* для "лук-севок" и *pras* для "лук-порей". Также и в албанском говоре Лешни находим лишь древний латинизм *šer* "репчатый лук", албанский дериват от того же корня *šer'uič* "лук-севок" и древнее же заимствование из греческого *preš* "лук-порей". Эти говоры располагают, соответственно, наивысшим коэффициентом заимствования в рассматриваемом семантическом микрополе, что позволяет оценить их как центральные (в ареально-лингвистическом смысле) и инновативные (в историко-лингвистическом). При этом существенно значительное хронологическое расхождение между латинскими и греческими заимствованиями в албанский, с одной стороны, и греческими и турецкими заимствованиями в славянские диалекты, с другой (ср. форму *preš* и отсутствие турцизмов в албанском); однажды заимствовав эту терминологию, албанский не "подновлял" ее далее в общепалканском духе. Факт наличия диалектов со столь высоким коэффициентом и столь различным временем заимствования позволяет оценить само рассматриваемое семантическое микрополе для балканских языков в целом как в высокой степени п р о н и ц а е м о е (как минимум п о т е н ц и а л ь н о и как минимум в некоторый момент языковой истории) для

Карта 12

Неразличение

“стебель кукурузы с листьями” – “стебель кукурузы без листьев”

Условные обозначения:

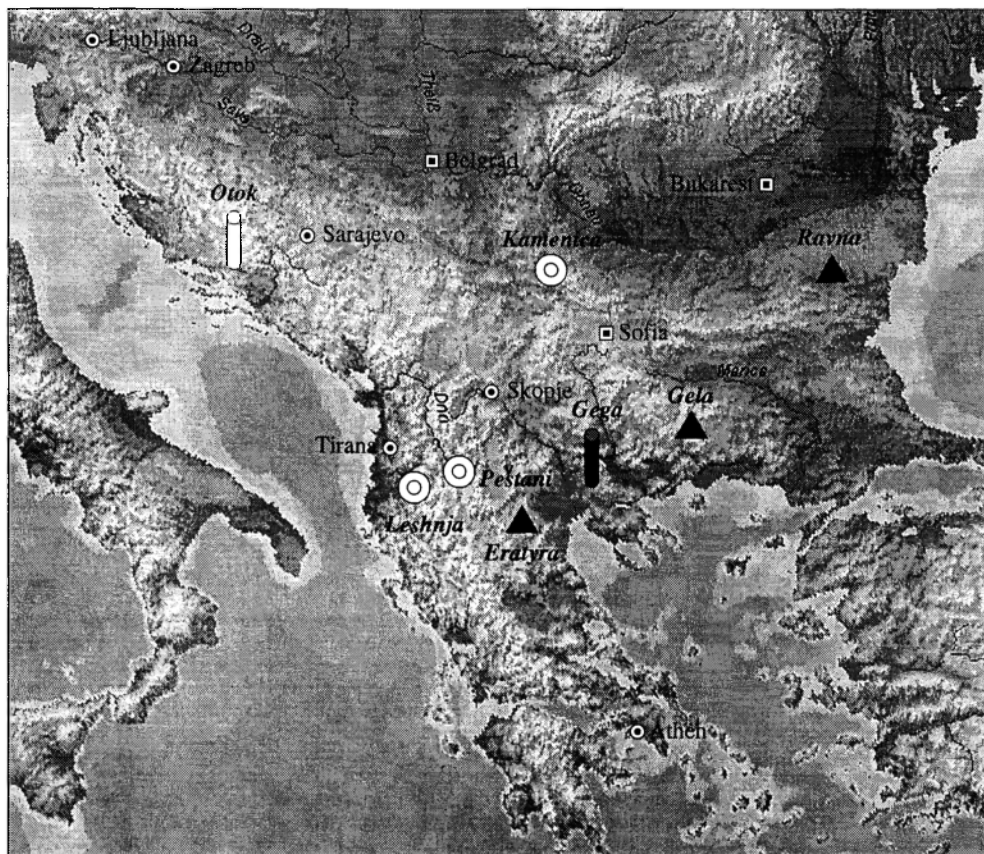
- наличие неразличения
- отсутствие неразличения

внешнего воздействия. На этом фоне устойчивость этого участка лексической структуры в восточносербском пункте требует, собственно, социолингвистического или даже экстралингвистического объяснения.

Наконец, имеются говоры со специфической комбинацией унаследованных и заимствованных элементов. Так, лишь в мизийском говоре села Равна находим для “репчатый лук” собственно славянское обозначение *l'uk*, причем для “лук-севок” и “лук-порей” находим уже соответственно *apraž'ik* и *pras*. Единственно этот говор располагает термином для семантемы “лук-выборок” – турцизмом *kab'a*. Хорватский далматинский говор села Оток употребляет для “репчатый лук” романизм *k'apula*, для “лук-севок” – турцизм *garadžak*; “лук-порей” обозначается собственно славянским словосочетанием *primorski luk*.

Материалы, собранные по идеографической части лексической программы МДАБЯ, предоставляют уникальную (хотя и, разумеется, существенно ограниченную набором принятых к изучению в атласе ЛСГ) возможность применения описанного выше метода семантического моделирования микрополей Н.И. Толстого. Это может быть

Карта 13
“плетеная связка лука”

Условные обозначения:

- ▲ словообразовательная мотивация от “плести”
- ▬ словообразовательная мотивация от “веревка”
- ▭ лексическое неразличение “веревка” = “связка лука”
- лексическая нейтрализация “венец, корона” = “связка лука”

продемонстрировано на примере анализа семантического поля “кукурузный початок (общее название)” – “початок в обертках” – “початок без обертки с зернами” – “очищенный от зерен початок” – “основание стержня початка” – “стебель кукурузы с листьями” – “стебель без листьев” – “пенек кукурузного стебля, вырванный из земли”, устанавливаемого на основании амплитуды колебания славянской или тюркской по происхождению опорной лексемы + *košan* как в славянских, так и в неславянских (албанском и греческом) балканских диалектах. Отметим, что данное семантическое пространство, реконструированное на ограниченном диалектном материале МДАБЯ, охватывает 8 семем, относящихся как минимум к двум понятийным микрополям – “кукурузный початок” и “кукурузный стебель”, но не выходящих за пределы понятийного поля “Кукуруза”. Типологическое изучение лексического заполнения этой

семантической сетки по предварительным материалам позволяет обнаружить следующие случаи н е р а з л и ч е н и й, выходящие за пределы одной близкородственной группы языков:

- 1) неразличение "початок (о.н.)" – "початок в обвертках" – "початок без обверток с зернами" носит практически общебалканский характер, хотя во второй своей части, возможно, устранено в говоре с. Пештани;
- 2) неразличение "стебель с листьями" – "стебель без листьев" охватывает говоры сел Эратира (*koč'ani*), Пештани (*mis'erišče = st'əblo*), Гела (*stəbl'o*) и Равна (*stəbl'o*); различение же, напротив, отмечено в говорах Лешни (*mištr'išt – kərču'ell*), Гегі (*š'umla – tu'um'arkl*), Каменицы (*str'uk – bat'al*) и Отока (*črbalika = tpt'orina – křzovina*) (Карта 12).

Обратим внимание на то, что если в случае первого неразличения минимальность семантического расстояния между отдельными семемами, сочетаясь с практически общебалканским отсутствием лексического их различения, заставляет сомневаться в его собственно ареальной обусловленности, то во втором случае очевидно именно ареальное противопоставление юго-восточных (греческих, македонских и восточно-болгарских) говоров всем остальным, совпадающее, к тому же, с вычлененным выше юго-восточным лексическим ареалом Балканского полуострова.

С ареально-типологической точки зрения наибольший интерес представляют ареально взаимосвязанные словообразовательные мотивации и нейтрализации лексических противопоставлений при оформлении отдельных семантем, позволяющие вскрыть с и с т е м н ы й п а р а л л е л и з м между отдельными балканскими диалектами.

Среди способов выражения семантемы "плетеная связка лука (способ хранения на зиму)" в говорах обследованных пунктов отмечается словообразовательная м о т и в а ц и я от глагола "плести" (*pl'ehtra* в Эратире, *pl'itkl* в Геле, *pleten'ica* в Равне), словообразовательная м о т и в а ц и я от существительного "веревка" (*vlžen'ica* в Геге), лексическое н е р а з л и ч е н и е "веревка" = "связка лука" (итальянское заимствование *r'ēsta* в Отоке), наконец, лексическая н е й т р а л и з а ц и я "венец, корона" = "связка лука" (*kur'ore* в Лешне, *v'enes* в Пештани, *ven'əs* в Каменице) (Карта 13). Картографирование способа номинации позволяет установить членение балканской территории по первому признаку на западную и восточную часть, в которых противопоставлены словообразование и неразличение / нейтрализация. Картографирование же собственно "внутренней формы" соответствующих лексем устанавливает очевидно ареально обусловленные албанско-македонско-восточносербские и греческо-восточноболгарские связи (следует обратить особое внимание на частичное или полное совпадение этих ареалов с основными ареалами, установленными при анализе формы и значения общебалканских заимствований).

Накопление сведений в области ареальной дифференциации на Балканах может заложить основы синхронной диалектологии конвергентных языковых общностей.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Балканская лексикология, зародившаяся в рамках сравнительно-исторического изучения балканских языков и имеющая в качестве первоначального объекта изучения форму и значение древних и относительно новых лексических заимствований из одних языков в другие, в ареальном аспекте концентрирует свое внимание на вопросах о центрах лексических инноваций и архаических перифериях, решение которых позволяет раскрыть историю формирования языкового ландшафта Балкан. Обнаружение некоторого корпуса общебалканских лексем разного происхождения, с одной стороны, и некоторого числа явлений межязыковой изосемии в семантической структуре, с другой, приводит балканскую лексикологию к вопросам функционирования балканской конвергентной языковой общности, основным методом изучения которой следует

признать ареально-типологический. В центр внимания при этом попадают вопросы доказательства собственно ареальной, а не универсально-типологической обусловленности межбалканских параллельных словообразовательных мотиваций и лексических нейтрализаций и неразличений. Это достигается путем установления закономерностей членения балканского языкового пространства, т.е. путем обнаружения устойчивых лексических и семантических ареалов, путем обнаружения ареалов системных параллелей между балканскими языками и путем установления связи между ареалами обоих типов. Открываются перспективы исторической и синхронной диалектологии конвергентных языковых общностей*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асенова П. 1989 – Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. София, 1989.
- Бернштейн С.Б. 1984 – К изучению тюркизмов (турцизмов) в южнославянских языках // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.
- Бернштейн С.Б., Клепикова Г.П. 1996 – О некоторых итогах работы над "Общекарпатским диалектологическим атласом" (1973–1993) // ОЛА. Материалы и исследования. 1991–1993. М., 1996.
- Бернштейн С.Б., Клепикова Г.П. 1998 – Славяно-румынские языковые контакты в свете новых данных славянской лингвистической географии // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998.
- Вайнрайх У. 1979 – Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.
- Вялкина Л.В. 1995 – Мотивационные признаки одной лексико-семантической группы (по материалам ОЛА) // *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна / Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995.
- Десницкая А.В. 1987 – Славянские элементы в албанской лексике // Десницкая А.В. Албанская литература и албанский язык. Л., 1987.
- Десницкая А.В. 1988 – Типы лексических взаимосвязей и вопросы образования балканского языкового союза // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1988.
- Домосилецкая М.В. 1999 – Мотивационные признаки номинации "Помещение для переработки молока на пастушьем стойбище" (по материалам "Албанско-восточнороманского сопоставительного понятийного словаря скотоводческой лексики" и МДАБЯ) // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы третьего рабочего совещания. С.-Петербург, 18.12.1998. СПб., 1999.
- Домосилецкая М.В., Жугра А.В. 1997 – Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб., 1997.
- Домосилецкая М.В. и др. 1998 – Домосилецкая М.В., Плотникова А.А., Соболев А.Н. Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.
- Ивић П. 1991 – Значај лингвистичке географије за упоредно и историјско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима // Ивић П. Изабрани огледи. I. О словенским језицима и дијалектима. Ниш, 1991.
- Калужская И.А. 1977 – Проблема автохтонных элементов румынского языка // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.
- Клепикова Г.П. 1977 – Карпатская лексика в ее отношении к лексике иных зон славянского мира // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977.
- Клепикова Г.П. 1999а – К истории изучения славянской диалектной семантики (метод "семантического поля" Н.И. Толстого) // ВЯ. 1999. № 5.
- Клепикова Г.П. 1999б – Семантические вопросы МДАБЯ в свете литературы по южносла-

* Автор выражает благодарность А.И. Фалилееву (Дублин, Ирландия), который ознакомился со статьей и сделал ряд замечаний, способствовавших ее улучшению. Настоящая статья легла в основу доклада, прочитанного 16 марта 2000 г. на 4-м Рабочем совещании составителей МДАБЯ в ИЛИ РАН (С.-Петербург).

- вянской диалектной лексикографии // Малый диалектологический атлас балканских языков Материалы третьего рабочего совещания С-Петербург, 18-12-1998 СПб., 1999
- Михалк З 1980 – Квота заимствований в различных видах терминологии и в различных диалектных зонах // ОЛА Материалы и исследования М., 1980
- Младенов М 1983 – Българско-румънски езикови ареали // Die slawischen Sprachen Bd 5 1983
- Младенов М 1991 – Ареална характеристика на гръцките заемки в българските диалекти // Език и литература Год 46 3/1991 София, 1991
- Овчинникова Е Н 1983 – К вопросу о семантической эволюции лексемы *koliba* в словацком языке // Славянское и балканское языкознание Проблемы лексикологии М., 1983
- ОКДА 1989–1994 – Общекарпатский диалектологический атлас Вып 1–4 Кишинев 1989, Варшава, 1991, Львов, 1993, Москва, 1994
- Петрович Д 1983 – О карпатологическом аспекте сербохорватско-албанских лексических отношений // Славянское и балканское языкознание Проблемы языковых контактов М., 1983
- Семчинский С В 1977 – Лексико-семантические интерференции славянского происхождения в дакороманском ареале // Ареальные исследования в языкознании и этнографии Л 1977
- Соболев А Н 1998 – К обоснованию проекта Малого диалектологического атласа балканских языков // Малый диалектологический атлас балканских языков Материалы второго рабочего совещания С-Петербург, 19-12-1997 СПб., 1998
- Толстой Н И 1997 – Избранные труды Том 1 Славянская лексикология и семасиология М., 1997
- Цивьян Т В 1979 – Синтаксическая структура балканского языкового союза М., 1979
- Цыхун Г А 1981 – Типологические проблемы балканославянского ареала Минск, 1981
- ALE 1983–1997 – Atlas Linguarum Europae V I Fasc 1–5 1983–1997
- Batowski H 1939 – Projet d'un dictionnaire de la communauté balkanique // III e Congrès international des slavistes Communications et rapports Belgrad, 1939 № 2
- Birken Silvermann G 1992–1993 – Aufgaben und Probleme eines Wörterbuchs der Latinismen in den Balkansprachen // Balkan-Archiv Bd 17/18, 1992–1993
- Byhan A 1898 – Die alten – Nasalvokale in den slavischen Elementen des Rumanischen // Jahresbericht des Instituts für rumanische Sprache zu Leipzig Jg 5 Leipzig 1898
- Chololchev Ch 1979 – Sprachgeographische Betrachtungen über die Terminologie der Kulturpflanzen in den Balkansprachen // Zeitschrift für Balkanologie Bd XV 1979
- Geiov B 1980 – Die lateinisch griechische Sprachgrenze auf der Balkanhalbinsel // Neumann G, Untermann J (edd) Die Sprachen im Römischen Reich der Kaiserzeit Köln, 1980
- Dietrich K 1901 – Zu den lateinisch-romanischen Lehnwörtern im Neugriechischen // Byzantinische Zeitschrift Bd X 1901
- Domaschke W 1919 – Der lateinische Wortschatz des Rumanischen // Jahresbericht des Instituts für rumanische Sprache zu Leipzig Jg 21–25 Leipzig, 1919
- Gutschmidt K 1966 – Albanische Tiernamen sudslawischer Herkunft // ZSL Bd XI Berlin, 1966
- Haarmann H 1999 – Der Einfluss des Lateinischen in Südosteuropa // Handbuch der Südosteuropa-Linguistik / Hrsg von U Hinrichs Wiesbaden 1999
- Hazai G Kappler M 1999 – Der Einfluss des Türkischen in Südosteuropa // Handbuch der Südosteuropa-Linguistik / Hrsg von U Hinrichs Wiesbaden, 1999
- Hinrichs U 1999 – Der Einfluß des Slavischen in Südosteuropa // Handbuch der Südosteuropa Linguistik / Hrsg von U Hinrichs Wiesbaden, 1999
- Hololčev et al 1977 – Fragen der Zusammenstellung eines Atlas linguarum paeninsulae balcanicae // L union linguistique balkanique Actes du colloque international sur les problèmes de la linguistique balkanique Varna, 11–16 octobre 1976 / Linguistique balkanique V XX, 1–2 Sofia, 1977
- Leschber C 1998 – Die Verteilung der Slavismen über das rumanische Sprachgebiet nach den Angaben des rumanischen Sprachatlases Teil I Worterverzeichnis Teil II Statistik und ethnographische Rückschlüsse Phil Diss Berlin, 1998 (в печати)
- Meyer G 1891 – Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache Straßburg 1891
- Meyer G 1895 – Neugriechische Studien III Die lateinischen Lehnwörter im Neugriechischen Wien 1895
- Miklosich F 1861 – Die slavischen Elemente im Rumunschen Wien, 1861

- Miklosich F.* 1869 – Die slavischen Elemente im Neugriechischen. Wien, 1869.
- Miklosich F.* 1870–1871 – Albanische Forschungen I–III. Wien, 1870–1871.
- Miklosich F.* 1884 – Die slavischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen (Griechisch, Albanisch, Rumänisch, Bulgarisch, Serbisch, Kleinerussisch, Großrussisch, Polnisch). Wien, 1884.
- Mladenov M., Steinke K.* 1978 – Die Ergebnisse der neueren bulgarischen Dialektforschung im Lichte der Balkanologie // Zeitschrift für Balkanologie. Bd. XIV. 1978.
- Mladenova O.* 1999 – Benennungen der Gabel in den Balkansprachen // Mitteilungen des bulgarischen Forschungsinstitutes in Österreich. Jg. XI. 1999.
- Reiter N.* 1990 – Slavismen im Gefüge der albanischen Lexik // R. Lachmann et al. (ed.). Tgolí chole Mëstró. Gedenkschrift für R. Olesch. Wien, 1990.
- Rocchi L.* 1990 – Latinismi e romanismi antichi nelle lingue slave meridionali. Udine, Campanotto, 1990.
- Romansky M.St.* 1909 – Lehnwörter lateinischen Ursprungs im Bulgarischen // Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig. Jg. 15. Leipzig, 1909.
- Sandfeld Kr.* 1930 – Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930.
- Schaller H.W.* 1999 – Die Lehnwortbeziehungen der Sprachen in Südosteuropa // Handbuch der Südosteuropa-Linguistik / Hrsg. von U. Hinrichs. Wiesbaden, 1999.
- Schröpfer J.* 1956 – Zur inneren Sprachform der Balkanvölker // ZSL. Bd. I. 1956.
- Schmaus A.* 1955 – Zur Lautgestalt der türkischen Lehnwörter in den südslavischen Sprachen // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Hft. 6. München, 1955.
- Sobolev A.N.* 2000 – Das Petersburger Projekt eines Kleinen Balkansprachatlases // Internationale Tagung "Aktuelle Probleme der Balkanlinguistik". Marburg, 1997 // Studien zum Balkansprachatlas. Bd. I. Marburg, 2000 (в печати).
- Solta R.* 1998 – Balkanologie // Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. VII. Kontakt, Migration und Kunstsprachen. Kontrastivität, Klassifikation und Typologie. Tübingen, 1998.
- Swane G.* 1992 – Slawische Lehnwörter im Albanischen. Aarhus, 1992.
- Trummer M.* 1998 – Südosteuropäische Sprachen und Romanisch // Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. VII. Kontakt, Migration und Kunstsprachen. Kontrastivität, Klassifikation und Typologie. Tübingen, 1998.
- Tzitzilis Chr.* 1999 – Der Einfluss des Griechischen in Südosteuropa // Handbuch der Südosteuropa-Linguistik / Hrsg. von U. Hinrichs. Wiesbaden, 1999.
- Ylli Xh.* 1997 – Das slavische Lehngut im Albanischen. 1. Teil. Lehnwörter // Slavistische Beiträge. Bd. 350. München, 1997.
- Ylli Xh.* 2000 – Das slavische Lehngut im Albanischen. 2. Teil // Slavistische Beiträge. Bd. 395. München, 2000.
- Weigand G.* 1911 – Die Terminologie des Maises im Bulgarischen, Rumänischen und Kleinerussischen // Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig. Jg. 17–18. Leipzig, 1911.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В настоящей статье использованы материалы проекта "Малый диалектологический атлас балканских языков (МДАБЯ)", осуществлявшегося с апреля 1996 по декабрь 1998 года при финансировании РГНФ (грант 96-04-06237) в ИЛИ РАН (С.-Петербург) при участии сотрудников Санкт-Петербургского Государственного университета, ИнСлав РАН (Москва), Университета г. Ниш (Сербия), Университета г. Салоники (Греция), Университета г. София (Болгария), Македонской академии наук (Скопье) и Албанской академии наук (Тирана). По итогам конкурса РГНФ 1998 г. проекту МДАБЯ было отказано в поддержке. Работы по составлению атласа были тем не менее продолжены в Институте славянской филологии университета г. Марбург, ФРГ, в рамках проекта "Kleiner Balkansprachatlas (KBSA)" (грант DFG, 1999–2000 гг.). По итогам конкурса РГНФ 1999 г. проект ИЛИ РАН "Малый диалектологический атлас балканских языков" вновь поддержан на 2000–2002 гг. и в настоящее время реализуется как совместная работа с Институтом славянской филологии университета г. Марбург при участии специалистов из различных российских и зарубежных научных учреждений.

Материалы, использованные в статье, собраны в 1996–1999 гг. следующими исследователями:

- 1) Гела, южная Болгария, Средние Родопы; болгарский говор (Архив МДАБЯ в ИЛИ РАН, А.Н. Соболев);

- 2) **Доня Каменица** в районе Княжеваца, восточная Сербия; сербский говор (Архив МДАБЯ в ИЛИ РАН, Н. Богданович);
- 3) **Равна** в районе Провадии, северо-восточная Болгария, Мизия; болгарский говор (Архив МДАБЯ в ИЛИ РАН, И.А. Седакова);
- 4) **Эратира** в районе Козани (Кожани), северная Греция. Западная Македония; греческий говор (Архив МДАБЯ в ИЛИ РАН, Ю.А. Лопашов);
- 5) **Гега** в районе Петрича, юго-западная Болгария, Пиринская Македония; болгарский говор (Архив МДАБЯ в ИЛИ РАН, В. Жобов, Е.С. Узенева);
- 6) **Оток** в районе Синя, южная Хорватия, Далмация; хорватский говор (KBSA-Archiv im Institut für Slawische Philologie der Universität Marburg, А.Н. Соболев);
- 7) **Пештани** в районе Охрида, юго-западная Македония; македонский говор (А.Н. Соболев, личные записи);
- 8) **Горна Белица** в районе Охрида, юго-западная Македония; арумунский говор (А.Н. Соболев, личные записи, произведенные в г. Охрид совместно с М. Марковичем);
- 9) **Лешия** в районе Чоровода, южная Албания, Скрапар; албанский говор (KBSA-Archiv im Institut für Slawische Philologie der Universität Marburg, Дж. Юллы, А.Н. Соболев).

Карты составлены при технической помощи Шт. Баумгарта.